

НБФ

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

АНДРЕЙ ЛАЗАРЧУК

ВЫЖИВОЩИЕ
НЕ ПОРАЖАЮТСЯ

Андрей Лазарчук

Выживания не гарантирую

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Лазарчук А.

Выживания не гарантирую / А. Лазарчук — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Очередной том Новой Библиотеки Фантастики (НБФ) полностью посвящён произведениям замечательного писателя-фантаста Андрея Геннадьевича Лазарчука. Сюда вошли «Все, способные держать оружие», «Штурмфогель» и «Абориген». Сложно было бы определить точно фантастическое направление, в котором они написаны, если бы сам автор не помог своим читателям: это - турбореализм. «Турбореализм подразумевает следующее: наш мир, в основном, представляет собой коллективный вымысел или, по меньшей мере, описание, текст, информационный пакет. Непосредственно в ощущениях мы получаем малую толику информации о нём (да и ту, зная кое-что о механизмах восприятия, можем ставить под сомнение), значительно же больше — в виде сообщений, прошедших через многие руки. Можно сказать так: турбореализм есть литература виртуального мира, в котором мы существуем». Все три романа, вошедшие в сборник, довольно разноплановы и весьма оригинальны, даже для такого направления, как турбореализм. В романе «Все, способные держать оружие», действия происходят в 1961, 1991 и 2002 годах. И это при наличии, как минимум, двух параллельно существующих миров. В «Штурмфогеле» - это два мира, в которых идёт вторая мировая война. И где в нижнем победа вот-вот произойдёт, а в верхнем - ещё совсем неизвестно, чья возьмёт. И, наконец, в «Аборигене», родная планета человечества Земля предстаёт в не очень хорошем свете по отношению к своей же бывшей колонии – планете Эстебан. Что объединяет такие разные книги, кроме имени автора? Очень простой, и одновременно крайне сложный для любого писателя момент: во всех трёх романах судьба всех обитаемых миров зависит от одного единственного человека – главного героя. Герои Андрея Лазарчука – довольно скромные, малозаметные люди. Зачастую, они или напрасно оклеветаны, или вынуждены скрываться практически от всех – и врагов, и друзей. Но только благодаря их не показным, а самым настоящим чувствам - искренней смелости, самоотверженности, способности идти на самопожертвование, всё

вот это вокруг ещё существует и, надеемся, будет существовать. Поэтому-то этот том Новой Библиотеки Фантастики так и называется - "Выживания не гарантирую"

© Лазарчук А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Все, способные держать оружие	6
Год 1961. Зден	6
Год 2002. Михаил	11
Год 1991. Игорь	15
Год 1961. Зден	22
Год 1991. Игорь	24
Год 2002. Михаил	31
Год 1991. Игорь	34
Год 1961. Зден	37
Год 1991. Игорь	41
Год 1961. Зден	47
Год 1991. Игорь	51
Год 2002. Михаил	55
Год 1991. Игорь	59
Год 1961. Зден	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Андрей Лазарчук

Выживания не гарантирую

Все, способные держать оружие

Это будет страх, какого ты еще не знала. Твое мужество станет разменной монетой. Ты будешь тратить и тратить, а в один прекрасный вечер заглянешь в свои карманы и обнаружишь, что ты – банкрот. И вот тогда придет настоящее мужество.

Дэвид Корнуэлл

Вот люди! все они таковы: знают заранее все дурные стороны поступка, советуют, даже одобряют его, видя невозможность другого средства, – а потом умывают руки и отворачиваются с негодованием от того, кто смел взять на себя всю тягость ответственности.

М. Лермонтов

Год 1961. Зден

31.08. 02 час. 30 мин.

Станция Шатилово, в/ч 671/38 (учебная часть).

Сразу после полуночи переменялся ветер, луну забросало быстролетающими тучами, и температура начала падать стремительно. И если в час ночи, когда я заступал на пост, под ногами хлюпало, а с неба кто-то пригоршнями бросал очень холодную воду, то через полтора часа моего унылого топтания под грибок на земле вокруг уже обнаруживался слой рыхлого льда, а со стороны леса доносился треск и грохот ломаемых сучьев (кошмар часового) – потому что было много ниже нуля, а дождь так и не превратился в снег или град: падал мелкими каплями. Естественно, намерзая на все твердые предметы тяжелой коркой. Не помню, чтобы я когда-то попадал под столь мерзкую погоду. Такое нужно пережить в доме с надежной крышей и толстыми кирпичными стенами. И чтоб камин, в котором пылают дубовые поленья. Или горячая печь.

Ног я уже не чувствовал. Цокал на деревянных ступнях, как японская танцовщица.

Лагерь спал, нечувствительно обрастая во сне ледяной коркой. Еще часов пять такого дождя, и потом можно будет ходить с пилой и всех выпиливать из палаток, исполняя свой христианский долг. Но так, чтобы потом по «гильзочке» с носа. За приложение усилий.

Я вытащил из заднего кармана свою старую и уже изрядно помятую фляжку. Жалкие последние капли...

Тем не менее какую-то иллюзию внутреннего тепла они создали.

Пить, ребята, надо самогон. Добротный деревенский польский бимбер.

Ну, все: осталось полчаса народных танцев.

В караулке тепло. Снять мокрую шинель, ботинки, носки, и – ноги к печке: благодать, кто понимает.

Подлинная благодать. Как в детстве: приходишь с полей, сдираешь с ног опорки и – *протягиваешь ноги к печке*. Блаженство, пока тебя не отгонят такие же желающие насладиться. Сорок, холера, второй. Лагерь для беспризорных детей под городом Смоленском. Не вспоминал столько лет. Эх, Горелый. Расковырял ты во мне эту болячку. Капитан Горелов, командир

нашей учебной части. Мой когда-то сосед по нарам. Он попал в лагерь в октябре сорок второго и сразу же, без передышки, стал деловито готовиться к побегу. Был он невероятно тощий, серый, слабый – и ничего не боялся. Рванули мы вместе и, возможно, ушли бы... но в Берлине как раз грянул очередной переворот, вся полиция встала на уши, так что неполную неделю спустя нас благополучно сдали с рук на руки коменданту Альтрогге. Как я потом, выросши и слегка поумнев, стал понимать, Альтрогге был хорошим человеком и делал все, что в его силах, чтобы уберечь нас от голода и эпидемий. Другое дело, не все было в его власти. Ну, и нечего говорить, что ценить мы этого там и тогда не умели и не желали.

В марте мы с Горелым ушли во второй раз – успешно. Мы почти не колебались, куда идти. Конечно же, в Сибирь: воевать и мстить. Нам было, за что. И мы пошли в Сибирь...

Уже и пальцы перестал чувствовать. Летом перчатки часовым не положены. Считается, что летом у нас тепло.

В нарушение устава я сунул руки в рукава. «Симонов» болтался на ремне. Хорошая машинка, идеальное оружие часового. Почти ничего не весит.

За спиной вдруг грохотнуло громко, но тупо, как в сырые бревна. Я оглянулся. Ни черта не было видно в ночи сквозь пелену дождя. Но потом обрисовался на миг размытый гребень невысокой лесистой горушки с ласковым именем Манька, и высветились рваные края облаков, совсем придавивших бедную Маньку к земле. Через двадцать секунд ударило так же тупо и нераскатисто. Гром вяз в дожде.

Гром... Или я чего-то не понимаю, или это не гром. Неправильный гром. Его делают неправильные молнии...

Я выпростал руку из рукава (ох, как холодно-то!) и снял с рычага трубку. В далекой теплой караулке раздался зуммер, и подпоручик Стас Разумовский, протяжно помянув в весьма необычном контексте некую часть тела эрцгерцога Фердинанда, взял трубку.

– Начальник караула.

– Пост номер два, курсант Валинецкий. Господин подпоручик, наблюдаю вспышки пламени в направлении урочища Ульман.

– Какие еще, елы, вспышки?

– Две вспышки, сопровождаемые звуками взрывов. Расстояние порядка семи километров.

– Хорошо, курсант, – откашлялся. – Продолжайте вести наблюдение.

Чпок.

Сейчас он позвонит... куда? Впрочем, все. Это уже не мое собачье дело. Мое собачье дело – достоять положенные двадцать минут, потом прийти в теплую караулку, снять ботинки и выставить ноги к печке.

Потом – лицом вниз на топчан. Два часа не кантовать. Мне еще стоять под грибком с шести до восьми.

Вадька Захаров, с которым мы когда-то играли в волейбол за сборную города и который с тех пор успел, в отличие от меня, сделаться доктором двух наук: медицины и криминалистики, – говорит, что мои сны являют собой самый что ни на есть неблагоприятный прогностический признак. Такие сны бывают только у параноидально-шизоидных типов, которые, если не помирают вовремя от естественных причин, переступают в себе какой-то рубеж и превращаются в серийных убийц. Говорит он мне это все десять лет, что мы знакомы.

Сны мои, с моей же точки зрения, ничего особенного собою не представляют. Просто я в своих снах не делаю абсолютно ничего и никаких эмоций не испытываю. Как правило, я чувствую себя лежащим в той позе, в которой лежу на самом деле. Но вокруг меня может происходить все что угодно. Хоме Бруту такое не представало пред очами даже на третью ночь. При этом я абсолютно равнодушен ко всем этим невиданным чудовищам и дивам. Есть они,

нет их – ледяное спокойствие, какого я в посюсторонней жизни никогда и ни по какому поводу не испытываю...

Сейчас, например, я будто бы лежал на черном прозрачном льду – лицом вниз – и созерцал дьявольское, в стиле Босха, пожирание маленьких некрасивых людишек маленькими шустрыми химерками. Химерки нагоняли их, окружали и начинали откусывать ручки, ножки, головки... Химерки были крысо-крокодилчиками с крылышками. Они могли летать, хотя не быстро и не далеко.

Потом лед вдруг пошел трещинами...

Меня подняли за шиворот и поставили на ноги. Благо, это сделать очень легко: я вешу пятьдесят два килограмма при ста семидесяти сантиметрах роста. Шомпол – так меня звали еще в школе. Лампа слепила. Я крепко зажмурился и проснулся.

– Курсанты Аздашев, Валинецкий, Врангель, Зданович, Куцевалов, Хомченко, Поротов, Яковлев! Шаг вперед.

Я сделал шаг. Вместе с остальными поименованными.

– Приказом командира части капитана Горелова снимаетесь с несения караульной службы и поступаете в распоряжение непосредственных начальников. Р-разойдись. Бегом – марш!

Куда именно бежать, понимаю уже под дождем. На линейке застыл темный строй, дальше за ним фары грузовиков, в свете фар несколько начальственных силуэтов. Все в красивой сверкающей ледяной корке. Занимаю место во второй шеренге, сержант Косичка краем глаза видит меня и удовлетворенно кивает.

– ...повторяю: это не учебная тревога. Оружие и боеприпасы...

Кто-то шумно вздыхает рядом.

– Вася, – тихо зову я Косичку. – Что происходит?

– Не знаю, – отвечает он так же тихо. – Выдвинуться к американской базе и занять оборону.

Так.

База расположена в урочище Ульман. Сверхсекретная. Позавчера в шатиловском трактире мы в очередной раз дрались с охранниками этой базы. Пожалуй, мы знаем о ней все.

Война с Америкой? Бред. Но что же тогда еще?..

Охранников на базе полторы сотни, ребята отборные и вооруженные отменно. Наш «симонов» против их «томпсона» играет только на коротких дистанциях...

Эй, пан Валинецкий? Повоевать собрался?

Да Икры напряжены и подрагивают, уже ни холода, ни воды с неба, в ушах далекая труба, под пальцами верный металл...

– По ма-ши-нам!..

Есть по машинам. Полтора шага – и вот уже сидим вдоль борта, спиной к движению, автоматика зеленые игрушечные на шее, патроны, гранаты и прочую аммуницию выдадут на месте. Зубы сжаты, чтоб не отбивали дробь. На это есть барабанщики...

Вперед-назад-вперед: свет фар, пылающая завеса дождя и за нею – наши сиротливые палатки с пустыми треугольниками входов. Мотор взывает; пейзаж, трясясь, проворачивается на три четверти и скоро исчезает, и остается только тьма, два красноватых туманных облака следом за нашими габаритными огнями, а более ничего заслуживающего внимания, потому что наша машина последняя. Но нет: где-то вдаль, левее (кажется) лагеря взлетает в небо ракета, гаснет, взлетает новая, потом еще и еще...

И сразу становится очень холодно. Вода стекает с полей панамы на плечи, шинель, как ей положено, промокает, и при движениях начинает похрустывать ледок. Мотор меняет тон: мы уверенно карабкаемся в гору.

31.08.1961 г. Около 06 час.

Окрестности станции Шатилово. База ВВС Союза Наций «Саян».

Натянутые брезенты хоть как-то прикрывают нас от дождя. Жмемся мы друг к дружке, чтоб теплее стало...

Ничего не понимаю, в сотый раз повторяет Поротов, аптекарь из Новоенисейска, у него течет из носа, и он поминутно сморкается в огромный пятнистый (откуда я знаю, что он пятнистый? А вот ведь знаю откуда-то...) платок, нет, я ничего не понимаю, а вы?.. сейчас нам скажут, что пошутили, и отвезут завтракать...

Я знаю это место. Сюда мы каждый год в конце сборов приезжаем с Гореловым, пьем водку, жарим шашлыки, печем картошку в золе. Здесь очень красиво. Особенно когда солнце... Если пройти вперед еще метров сто, то лес кончится, опушка его заросла густейшим ельником, и вот если еще проломиться через ельник, то окажешься на весьма крутом косогоре, поросшим колючим стелющимся кустарником; и с косогора (разумеется, днем) открывается замечательный вид на урочище Ульман и на базу: серая бетонная полоса аэродрома, белые корпуса ангаров, бетонные башни зенитных установок... Но самое интересное и самое секретное – в еле видных вдали низких капонирах. В некий час «Ч» ворота капонира раскроются, и оттуда выкатится на тяжелой гусеничной платформе пятнадцатиметровый снаряд – застратосферная ракета «Хаммерер», несущая водородную боеголовку и способная достичь Японских островов. Таких ракет на базе восемь штук, и по крайней мере одна из них находится в постоянной готовности к пуску...

Американцы болтливы, как дети.

Не пойти ли мне в японские шпионы?

И все-таки: что там могло случиться? Рванула дежурившая ракета? Но причем здесь мы? Территория базы, по договору, есть территория Союза Наций, и возникающие там проблемы есть проблемы СН.

Разве что... бунт?

Говорят, лет семь-восемь назад были серьезные волнения на такой же американской ракетной базе в Британии. Подробности неизвестны.

– А я думаю, ребята, – сказал за моей спиной Сережа Врангель, студент-неудачник, – что это америкосы бузу подняли. Может, им мороженое не того сорта завезли...

Мы всегда охотно зубоскалим по поводу американского военного быта. И даже не из зависти. А главным образом потому, что наша егерская подготовка позволяет уверенно сворачивать этим красивым и ладным ребятам носы на затылок, едва дело доходит до трактирной рукопашной. И это их удивляет бесконечно, потому что они-то, по нашей терминологии, *кадровые*, а мы – вшивые резервисты, проходящие летние сборы. Американские офицеры часто посещают наши занятия, особенно если за инструктора сам Горелов, допытываясь секретов мастерства.

Вымпел им в руки.

Почему-то именно на версии бузы мы останавливаемся и по неким непрямым ассоциациям перелетаем на тему жен и прочих женщин. И я треплю всяческий вздор – просто чтоб не думать...

Кажется, начинается рассвет. Мы уже видны друг другу. Дождь не перестает, но зато теперь это просто дождь, без ледяных корок. Пар от дыхания подобен туману.

Возможно, это и есть туман. Из тумана появляется внезапно подпоручик Криволапов, наш взводный. Он удивительно соответствует своей фамилии.

– Стройся, – негромкая команда.

Мы строимся, курсанты вперемешку с тонкими больными осинками. Криволапов ждет короткий положенный срок.

– Егеря. Перед нами поставлена задача... – он вдруг замолкает, кашляет и начинает снова, но совсем другим голосом: – Ребята, случилось вот что: кто-то захватил эту долбанную

базу. Какой-то «Русский легион». Неизвестно, кто они на самом деле, неизвестно, сколько их... но достаточно, наверное, потому что одной охраны там было полторы сотни, вы это знаете... Короче, они объявили войну Японии. Что начнется, если они запустят эту молотилку, объяснять не надо. Одно хорошо: заправленную ракету успели взорвать, а чтобы другую заправить и вывезти на старт, требуется двадцать часов. Так что до вечера война не начнется. И наша задача – сделать так, чтобы она вообще не началась... Значит, так: кадровики будут здесь не раньше шестнадцати часов. Самолеты не летают... К их прибытию мы должны будем порвать жопу на звезды, но установить численность противника, расположение огневых точек... ну, и нанести ему посильный урон. Все. Сейчас нам приказано произвести скрытый поиск к базе. Добровольцы есть?

Секунду-другую строй стоял неподвижно. Потом шагнул вперед ефрейтор Николаев, потом Сережа Врангель, потом я... потом оказалось, что строй как был строем, так им и остался.

– Спасибо, ребята... – сказал Криволапов. – Тогда так: иду я, ефрейтор Яковлев, курсанты Валинецкий и Аздашев. Сержант Косичка остается за командира. Разведчики – со мной, остальным пока отдыхать. Разойдись.

Год 2002. Михаил

26. 04. г. 08 час. 30 мин.

Константинополь, Йени Махалле, кофейня «Старый Хачик».

Если вам где-нибудь когда-нибудь скажут, что есть на свете времяпрепровождение лучшее, чем пить из тонкой синей фарфоровой чашечки свежесваренный «Али Касим», сидя на открытой белоснежной веранде под изрядно выгоревшим бело-зеленым полосатым зонтом и глядя рассеянно на рейд порта, где в кажущемся беспорядке застыли полторы сотни только крупных судов, а разнокрылой мелочи, пришвартованной к длиннющим наплавным мосткам наподобие нашей «Белой Девы», не сосчитать никогда, причем происходит все это действие (или бездействие, что точнее) поздним утром поздней весны, и пусть сады уже отцвели, но зелень пронзительно-свежа, а из розариев сада Вланга растекается вширь тончайший аромат, и еще приходят большие толстые белки и требуют свои орешки, им нельзя солёные, и поэтому специально для них я покупаю у хозяина сладкие, и хозяин грустно улыбается и следующую чашечку божественного «Касима» наливает за счет заведения, и мы с ним обмениваемся простыми мудрыми замечаниями о смысле жизни, с совсем старым господином Хачиком Мелкняном, родившимся в девятьсот шестнадцатом году в Эрзруме и всю жизнь и по всему миру оттачивавшим свое единственное и неповторимое искусство: заваривать кофе... – так вот, если вам вдруг скажут такое, усомнитесь. Потому что нет в природе и быть не может ничего лучше весны в Константинополе, самом непостижимом городе, пусть даже ты прожил здесь полжизни и должен ко всему привыкнуть... но этот город чем-то похож на господина Хачика Мелкняна, он точно так же тысячелетиями оттачивал свое единственное и неповторимое искусство обольщения, которому нет имени в человеческих языках. Это Восток и Запад, которым нет нужды сходиться со своих мест, ибо они давно едины. Это свет и тьма, которые не существуют друг без друга. Город-средоточие всех религий и всех наук, искусств и торговли, азарта и лени, расточительной роскоши и живописной нищеты, перекресток великого множества дорог моря, земли и неба – Константинополь.

Так уж распорядилась природа, располагая этот великий город в таком удачном месте – в самом центре Земли...

Белка подняла головку и насторожилась, прислушиваясь. Орех она держала, готовая бросить его немедленно в несуществующую дорожную сумку и бежать куда-то. И точно: зашелестело за спиной, слева направо, слева направо... От старого вокзала отходил утренний петербургский. Слева направо...

Тебе нечего делать в Петербурге, сказал я себе.

И развернул газеты.

Сам господин Хачик газет не читал за слабостью зрения и полной аполитичностью, а выписывал те, которые спрашивали посетители. Поэтому здесь была профсоюзная турецкая газета, турецкая же спортивная, греческая «Смэнос», немецкий коммерческий листок «Гешафтсманн», русские «София» и «Перуанец», болгарская «Политика»... С нее я и начал.

Собственно, сами новости я слышал и видел. Просто в газетах это было более условно, субъективно, а потому и отстранено. Что, как ни странно, позволяло поразмыслить.

Итак, главная новость всей прошедшей недели – противостояние в Андаманском море. Немецкая эскадра уже насчитывала двести вымпелов, японская – двести восемьдесят. За всю историю человечества ни одно море не вмещало столько железа. До сих пор неизвестно, что произошло в Рангуне, обе стороны обвиняют визави в провокации, в то же время спасательные работы затруднены гражданскими беспорядками и действиями партизан из «Фронта воссоединения». По экспертным оценкам, число жертв превысило двести тысяч человек, природа

же взрыва по-прежнему неясна; во всяком случае, это не традиционный ядерный или термоядерный заряд; выпадение радиоактивных осадков объясняется, скорее всего, разрушением реактора одного из находившихся в порту судов...

Болгары подходили к делу практически: вмешается ли Россия в спор в качестве союзника одной из сторон (догадайтесь с трех раз, какой именно) или же употребит свое влияние в чисто миротворческих целях. Пока же двадцать вымпелов Средиземноморского флота миновали Цейлон и находятся в двух днях пути до объявленной зоны конфликта. Среди кораблей флота и болгарский крейсер «Царь Калоян»... интервью по отраженному лучу со старшим офицером крейсера...

Помимо темы южных морей, в газете было немного о грядущих довыборах в нижнюю палату парламента и не слишком интересные сплетни о жизни царского двора. Царица Венцеслава была дамой строгой и поводов для сплетен не давала. Это вам не Мадридский двор...

Но каков все же абсурд: конституционная монархия входит составной частью в республику, до сих пор не принявшую конституцию, каковая республика по структуре и сути своей является ярко выраженной империей. Я попытался вспомнить нечто аналогичное из всемирной истории, но так ничего похожего и не подобрал.

В русских газетах было примерно то же самое, только респектабельная солидная «София» вдовесок устроила диалог между опальным адмиралом Визе и крымским вице-губернатором Брагиным, залетевшим (заплывшим) в наш богоизбранный город по каким-то вице-губернаторским делам. Визе был выживший из ума старик, совершенно уверенный, что наши двадцать кораблей, пусть и действительно первоклассных, смогут надрать задницу как много о себе возомнившей немчуре, так и япошкам, из всех достижений цивилизации постигших разве что умение писать стоя. Брагин от всех этих проблем был далек и честно полагал, что худой мир лучше доброй ссоры. Эту мысль он и пытался донести до своего тяжелобронированного собеседника... Хамский же «Перуанец» все доискивался подоплеки таинственного взрыва. В Рангуне располагались склады русско-японского химического концерна «Шика», и анонимный автор утверждал, что именно там, на складах, и произошел невиданной силы взрыв – то ли с целью сокрытия налогов, то ли во избавление от ревизоров...

Белый открытый «Оппель» мелькнул между платанами, потом сдал задним ходом и остановился. Тедди выпрыгнул, не открывая дверцу, потом церемонно, с поклоном, вывел за ручку Зойку. На Зойке была белая шляпа и белые перчатки до локтей, но при этом зеленоватая растянутая майка, вытертые до белизны замшевые брючки и бесформенные босоножки из перепутанных ремешков и веревочек. Они скисшей от смеха походочкой, спотыкаясь о ступеньки и друг о дружку, поднялись в кофейню и бухнулись за мой столик, источая запах моря. Для них тут же появились два высоких стакана с лимонной водой со льдом. Кофе ни Тедди, ни Зойка не пили по каким-то непонятным мне соображениям. Волосы обоих были все еще мокрые. Купаться они ездили куда-то за Йеди Куле, в Шварцфелс, теперь – Черные Скалы. При русских все должно существовать во множестве. Я там ни разу не был. Прежде это был добропорядочный немецкий семейный курорт. Теперь его облюбовали гемы и падлы. Раньше мне там было нечего делать, а теперь – противно. Тедди же с Зойкой получают какое-то свое удовольствие, крутятся меж ними, грязными и презрительными. Смешно получилось и сейчас... и они взхлеб рассказали, изображая в лицах, как какое-то несчастное семейство сунулось по старой памяти на курорт и как они в ужасе, теряя чемоданы, ловили такси, чтоб поскорее убраться из этого подобия ада. Тедди довез их до Йеди Куле и оставил у дверей пансионата мадам Атанасовой. Новые впечатления бюргерам будут гарантированы...

– Зря ты так, – сказал я. – Плохого они тебе ничего не сделали.

– Им там тоже ничего плохого не сделают, – пожал он бронзовыми плечами. – Будет просто смешно, и все. В конце концов, после снимут комнату.

– Жалко, ты их не видел, – сказала Зойка, сгребая волосы на лоб и потом резким движением головы перекидывая их назад. – Тумбочки. И он, и она. И детки у них точно такие же, только поменьше. Тупые тумбочки.

Глаза ее будто бы чуть косили, и смотрела она поэтому не совсем на меня. Даже в этом она стала похожа на Тедди.

– Марик приехал, – сказал Тедди.

– На хомяка стал похож, – сказала Зойка. – Щеки вот такие, – она показала. – И глазки не открываются. Здоровается вот так... – она протянула два пальца с непередаваемым выражением вселенской скуки на лице. С такой гримасой, наверное, патриарх Никодим выслушивал бы исповедь старой больной церковной мыши.

– Я вдруг растерялся, – Тедди почесал за ухом, – а она знаешь как ответила? Во, – и он протянул вытянутый средний палец.

– Этот хренчик будто яйцо прищемил на званом балу, – засмеялась Зойка. – Надулся еще больше...

Марик (но не Марк, как можно подумать, а Марлен) был нашим с Тедди одноклассником. В прошлом году на него внезапно свалилось многомиллионное наследство. Произошло это так: отец его, работавший инженером в нашем университете и увлекавшийся составлением головоломок, неожиданно для себя пробился в финал видеоигры «Остров сокровищ» и выиграл было даже главный приз, но рискнул на ультима-гейм и проигрался в пух и прах. Тем бы все и кончилось, но, на его беду, в этот день какая-то страховая компания проводила рекламную акцию. Беднягу в рекламных целях застраховали от проигрыша, и вместо приза (это была семейная поездка в Кению) он получил пятьдесят миллионов рублей – но не спешите радоваться... в виде страхового полиса! Это транслировалось на всю страну. Два месяца спустя отец был тяжело ранен в какой-то шальной бандитской перестрелке – вместе с дюжиной таких же случайных прохожих – и умер по дороге на операционный стол. Еще через два месяца младшего сына похитили и запросили выкуп: тридцать миллионов. То есть почти все, что осталось после уплаты налогов. Переговоры тянулись неделю. Сошлись на восемнадцать. В момент передачи денег бандиты были частью захвачены полицией, частью перебиты – но оказалось, что брат Марика уже давно мертв. Мать, не вынеся всего этого, вскоре тоже умерла, а вот Марик... даже как-то не очень расстроился. Теперь у него была квартира на Невском – целый этаж, свой самолет, полный гараж автомобилей... и доходили слухи, что занимается он не самыми честными делами. Но, в конце концов, это его проблемы...

– Ну что, едем? – Тедди покрутил на пальце ключи.

Я оставил на столе два железных полтинника, один простой, а один с изображением Петра Первого и его знаменитого ботика, прощально помахал господину Хачику, который в ожидании клиентов мерно крутил ручку кофемолки, и мы направились к машине. Зойка шла впереди. Сколько я ее знаю, и все не могу понять – что же такое особенное есть в ее походке. Вроде бы ничего нет, а вот... Возле машины крутились турецкие ребяташки – охрана. Тедди выдал им несколько медяков. Мы сели и поехали.

Надо отдать немцам должное: когда Турция была протекторатом, а Константинополь Стамбулом, они постарались как можно меньше изменять лицо старого города, Истамбула, настаивая лишь (правда, очень жестко) на введении германского уровня санитарии, заставляя хорошо мостить дороги да исподволь навязывая туркам европейский стиль жилища. Вот эти узкие улочки, над которыми нет неба, потому что вторые этажи почти смыкаются над головой – они вовсе не предназначены для поездок на автомобилях, нет. Это место для неспешных прогулок и продолжительных бесед. Здесь роскошь неброска. Знаменитый на полмира ресторан может скрываться за такой вот невзрачной витриной, как мелькнула только что слева. Вечерами сюда подъезжают во множестве «Алмазы» и «Мерседес-Бенцы»... Дома, похожие Бог знает на что, только не на дворцы, могут скрывать – и скрывают – за своими стенами шикарные

квартиры, многие на два-три этажа, с внутренними двориками и фонтанами. Богатые турки, в отличие от богатых европейцев, не стремятся почему-то за город. Впрочем, богатые европейцы из Константинополя тоже не стремятся. В окрестностях, конечно, есть виллы, но их куда меньше, чем вокруг той же Москвы...

Мы обогнули мечеть Хаджи Байрам и, потомившись недолго в пробке, выбрались на проспект Согласия (еще не так давно Шпеерштрассе). Вообще-то выезд с левым поворотом на него был через туннель, но туннель последние годы регулярно заливало, и с этим никак не могли справиться. Вот и сейчас: толстый усатый турецкий полицейский в фуражке с лакированным козырьком и высокой тульей (я однажды ознакомился с устройством такой фуражки: там пружины, распорки, вата... только за ежедневное ношение на голове такого механизма человеку положена ранняя пенсия) с невероятной скоростью и четкостью крутился сам и крутил жезлом, пропуская, направляя и отсекая. Как назло, нас он остановил надолго, пропуская к Айя-Софии какой-то официальный кортеж: мотоциклиста, открытый лимузин, закрытый лимузин и микроавтобус. Я сидел и смотрел на мечеть, открывающуюся как раз в перспективе проспекта, между рядами разросшихся магнолий. Не люблю магнолии – за их жирные наглые цветы с тошнотворным запахом. Но сейчас даже они казались не такими уж противными...

Мы наконец тронулись, повернули налево, и я оглянулся. Купола сияли. Ну почему я не мусульманин?.. Уже десять лет православные пытаются уговорить муфтиев вернуть храм. Но те на это не идут, да и опять же – с чего бы?

Тедди вел машину небыстро, в правом ряду, чтобы с Зойки не снесло ее безумную шляпу.левой рукой Зойка придерживала заполаскивающие поля, а правой приветствовала прохожих. Ей кланялись в ответ.

До университета такой езды было минут сорок. Первыми занятиями у нас были лабораторные штудии, явка на них была вольная. Лекции будут только в час дня. В три мы можем быть свободны. Я широко раскинулся на сиденье и попытался расслабиться. Но расслабиться у меня не получалось уже давно.

Год 1991. Игорь

6.06. Около 14 часОВ.

СТАНЦИЯ ВАРГАШИ. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ГРАНИЦА.

Все, хватит с меня японской техники: неделю назад купил часы, а минутная стрелка уже отклепалась от оси и показывает не время, а направление к центру Земли – то, что меня сегодня интересует меньше всего. В конце концов, почему инженер, пусть даже на государственной службе, не может себе позволить приличные часы? Допустим, не швейцарские. Жирновато. Допустим, «Адлер»... За окном вагона справа налево прокатился лязг буферов: наверное, к «Империи» прицепили локомотив. Конечно, «Империя» не может отклоняться от графика. А мы, конечно, можем... Очень одинаковые японцы, стоявшие под навесами у вагонов, заторопились по своим местам. Черно-белые японцы – черные пиджаки, белые брюки – садились в черно-белые вагоны «Империи», экспресса Пхеньян-Томск-Берлин-Лондон, единственного поезда, проходящего по землям всех четырех великих держав... что-то в этом мне показалось не то забавным, не то символичным – скорее всего, показалось: от скуки, – но додумать я не успел, потому что тихая музыка из репродуктора прервалась, и милый голосок – я так и видел эту белокурую голубоглазую девочку с кукольным ротиком и пышным бантом на голове сначала по-немецки, а потом по-русски произнес: по настоянию пограничной стражи досмотр вагонов продлен, уважаемым господам пассажирам, следующим до станций Курган, Каменецк-Уральский и Екатеринбург, компания приносит свои извинения, компенсацию они могут получить в кассах вокзала в удобное для них время; после Екатеринбурга график движения будет восстановлен. Так... продлен досмотр... Я машинально посмотрел на часы, а потом хлопнул их об стол. Приедем в Курган – куплю новые. Куплю «Адлер» – назло Командору. Решено. Так и сделаю.

Но который же час? Я откатил дверь и выглянул в коридор. За окном спиной ко мне стоял часовой-пограничник в блестящей от дождя черной накидке. От купе проводника медленно шел бан-полицай – шел, заложив руки за спину и разглядывая через окна что-то на перроне. Увидев меня, он чуть ускорил шаг и положил правую руку на ремень рядом с кобурой.

– Герр офицер, – со сладкой улыбочкой заторопился я по-немецки, – не могли бы вы сказать, что произошло и который час? Я спал, и вот...

– Четырнадцать двадцать две, – ответил он. – А что произошло, не знаю. Пограничники что-то ищут. Наверное, опять кто-то пошутил насчет бомбы в багаже. Идиоты.

– Часто так шутят?

– Бывает... А у вас что, часы остановились?

– Сломались. Брак. Купил – дешевые... недели не проносил.

– Японское дерьмо, – он издали, спрятав руки за спину, взглянул на мои часы. – Консервы у них вкусные и фарфор хороший, а механизмы делать не могут.

– Ну, на Островах-то делают, – возразил я. – Только и стоят они хороших денег. А это – из Континентальной...

– Вам, конечно, видней, это вы с ними друзья, – сказал полицай. Только, на мой взгляд, лучше немецкой техники все равно не найдешь. Не потому что я шовинист – из личного опыта...

Хлопнула дверь тамбура, загремели по железу сапоги. Мой собеседник сделал шаг назад и подтянулся, готовый рапортовать начальству. Дверь я задвинул не до конца, оставил щель, чтобы слышать что происходит – но фиг: вошел и вытянулся в струнку, отдавая честь, лейтенант пограничной стражи.

– Валинецкий Игорь Зденович, гражданин Сибири, из Томска, инженер, направляетесь в Москву по делам государственной компании «СПРТ»?

– Именно так, – сказал я.

– Пожалуйста, еще раз предъявите паспорт и вещи для повторного досмотра.

– Пожалуйста.

– Поскольку в вашем теле работает ядерный реактор, предъявите нагрудный знак, медальон и браслет.

Я показал браслет, расстегнул рубашку и продемонстрировал медальон. Лейтенант сверил номера с тем, что записано в паспорте, кивнул.

– Спасибо. Откройте чемодан.

– Что именно вас интересует?

– Простите, это тайна.

Он прошелся интроскопом по стенкам, крышке и дну моего чемодана, похлопал руками по дорожной сумке, показал на раухер:

– Прошу вас, продемонстрируйте работу аппарата.

Я вывел на экран схему интерференции полей в блоке «Пирмазентс» и показал, как меняется картина с ростом нагрузки. Лейтенант был удовлетворен.

– Благодарю вас, – сказал он. – Приношу извинения за беспокойство. Это делается в целях вашей безопасности.

– Долго мы еще простоим?

– Не больше часа.

Он вышел и через несколько минут вернулся.

– Герр инженер, не согласитесь ли вы принять попутчика?

Мне показалось, что он подмигнул.

– Главное, чтобы согласился попутчик, – я постучал ногтем по нагрудному знаку.

– Фрау без предрассудков, – сказал лейтенант.

И вошла фрау. Я почувствовал, что встаю. За спиной фрау маячил солдат с чемоданом.

Очень мило... с вашей стороны... лейтенант. Фрау походила на француженку: короткая стрижка, с прищуром глаза, высокие скулы, чуть втянутые щеки. Стройна. Необычные, ломкие движения. Я не стесню?.. Что вы, разумеется, нет. Семья с двумя детьми, очень просили... Располагайтесь, пожалуйста... мне выйти? На секунду, не больше. Вас предупредили относительно этого (напрягаю грудную мышцу, значок уезжает на полметра вперед)? Да-да, ничего особенного, я не боюсь. Замечательно...

Замечательно.

В коридоре я прижался лбом к холодному стеклу. Сердце работало во втором режиме: сто ударов в минуту. Что-то рановато начинается операция... похоже, что наши друзья из гепо нервничают. И без помощи раухера я мог с полной уверенностью сказать, что фрау эта имеется в нашей картотеке. Номер Р-147, «Роза», агент-наблюдатель высшего класса. Обычно работает на ближневосточном и туранском направлениях. Свободно владеет арабским и фарси. Сексуально притягательна для мужчин восточного типа...

– Входите, можно.

Когда она пришла, на ней был клетчатый твидовый костюм. Теперь она натянула брючки из темно-красной замши и облегающий черный свитер. Ай-я-яй, какая откровенная фронтальная атака. Разве же так должен поступать агент-наблюдатель высшего класса? Но, главное – зачем? Я что, похож на арабского террориста? Нескладуха. Ладно, разберемся по ходу дела...

– Позвольте представиться: инженер Игорь Валинецкий. – Я вспомнил, наконец, что мы не знакомы.

– Криста Лауэр, – протянула она руку. – Переводчик-синхронист. Вы из Сибири?

– Да, из Томска... – Рука у нее была сухая, нервная. Я приложился губами к запястью и удивился, что меня не ударило током.

– Я была в вашем Томске, – сказала она. – Красивый город. И чистый. Но уж очень похож на американские города.

– В Америке вы тоже были?

– Дважды. В восьмидесятом и восемьдесят восьмом. В августе. Сплошные восьмерки. Смешно, правда?

– Неимоверно. А с какого языка вы синхронно переводите?

– С арабского.

– О!

– Не похоже, правда? Никто не верит. А ведь арабский – очень простой язык. Очень красивый. Хотите, я вам стихи почитаю?

– Секунду, – сказал я. – Пойду шепну пару слов проводнику.

Коридор был пуст: законопослушные граждане обеих стран близко к сердцу приняли просьбу не выходить из купе без крайней на то необходимости. Проводник, подперев щеку, грустно смотрел в окно. Дождь не кончался.

– Что желает герр инженер? – вскочил он мне навстречу. Забавно: по нашу сторону границы он спрашивал: «Чего изволите?», а по эту, хоть и говорил по-русски, фразу строил на немецкий манер.

– Две чашки очень хорошего чая и бутерброды с семгой.

– Пирожные?..

– И пирожные, да.

– Пять минут.

На обратном пути я вдруг сообразил, что именно привлекало за окном внимание моего собеседника-полицая и что я видел сам, но за размышлениями о качествах и статях агента Р-147 просто не пропустил в сознание. На мокром асфальте перрона проступили нанесенные трафаретным способом силуэтные портреты «самарской четверки»: Сталина, Молотова, Ворошилова и Берии; силуэты наезжали один на другой, и получалась гордая шеренга – так когда-то изображали казненных декабристов, а потом – Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина. «...ет единная ро...» – видны были буквы. У патриотов почему-то всегда нелады с родным языком. Это подметил еще Ларошфуко, только выразился как-то закомелисто. Или это был Паскаль? Блез. Паскаль Блез и Блез Паскаль – это два разных человека. Или Вольтер. Лишивший невинности Жанну д'Арк. Мне вдруг стало тоскливо: последний раз по-настоящему, для души я читал лет пять назад. С тех пор – только для ума. Для дела. Даже в отпуске – для ума. Даже в Гвоздево, в зоне психологической разгрузки, где можно все – даже там я не читал ничего постороннего, хотя именно об этом, о постороннем, я мечтал на акциях, особенно если приходилось лежать в ледяной грязи или проходить по сто километров в день – мечтал выйти утром на веранду или на плоскую крышу, сесть в плетеное кресло, взять в руки книгу – не какую-то конкретную, а просто очень хорошую книгу – и читать медленно, с наслаждением, потягивая чай из тонкой, нежной, как розовый лепесток, чашки, и тихая японочка или корейночка, неслышно подходя, будет наполнять эту чашку... никогда этого не получалось, хотя и японочки, и корейночки были, но вместо чая пили коньяк, а до книг так и не доходило совсем.

Пока я отсутствовал, Р-147 времени не теряла: на столе уже красовалась осургученная бутылка «Саян-туй» и два фиолетовых дорожных бокала из «неуничтожимого стекла». Сама фрау размышляла над открытым клетчатый чемоданом – тем, что поменьше.

– Как вы считаете, – подняла она на меня глаза, – это подходит к?.. она кивнула на бутылку. В руке у нее была коробочка орехового печенья «Таежное».

– Абсолютно не подходит, – сказал я. – Более того, и бутылка эта не подходит к ситуации... – я взял бутылку в руки и посмотрел на печать. «Золотая печать», ничего себе! Рублей сто двадцать отдали?

– Сто пятьдесят.

– В магазине Семенова на углу Авиаторов и Денисюка?

– Нет, в Петропавловске на вокзале. Я же еду из Петропавловска.

– А мне показалось, я видел вас раньше... впрочем, не смею настаивать.

– Возможно, кто-то похож?..

– Я спал всю дорогу. Должно быть, вы мне приснились. Так вот, «Золотую печать» следует вскрывать и пить в кругу старых друзей, причем не в чистом виде, а добавляя понемногу в очень хорошую водку. Или – на любителя – в джин. Если закусывать, то фруктами. Манго, авокадо, папайя. В нашей компании «Саян-туй» поэтому называют еще «Да здравствует Африка!»

– Очень остроумно.

– Чрезвычайно. Так что спрячьте это для старых друзей, а я придумаю замену... вот. За знакомство – лучше не придумаешь. Этому коньяку почти пятьдесят лет. «Турксиб» – слышали?

– Это название коньяка?

– Скорее прозвище. Названия у него нет, потому что в продажу он не поступает. Просто я в свое время сидел с Семеновым-внуком за одной партией. Хотите знать, что это за коньяк?

– Сначала попробовать.

– Разумеется. Ага, вот нам уже несут...

Проводник, улыбаясь, сервировал столик. Если фрау позволит... Как из рукава, появился букетик красных саранок. А нет ли у вас лимона, поинтересовался я. Как же может не быть лимона, изумился проводник. Тогда, пожалуйста, принесите лимон и пустую рюмочку для себя. Он исчез и тут же возник вновь с пошинкованным лимоном и граненым стаканчиком пузырчатого зеленого стекла. Вслед за ним просунулся давешний полицейский. Что за?.. начал было он, но три беспредельно-радушных улыбки срезали его влет. Он засмутился, заковырял пальцем стенку, но фрау вручила ему свой бокал, и тут уж он устоять не смог. Проводник принес еще один стаканчик, и я налил каждому по первой порции. Дегустация, объявил я. Для тех, кто еще не знает: этому коньяку пятьдесят лет. Может быть, больше. История его такова: в сорок первом году, поздней осенью, из Грузии был выведен эшелон с пятью тысячами бочек коньячного спирта. Эшелон сопровождал интендант второго ранга Гавриил Семенов. Так, вы уже смеетесь. Совершенно верно. Странствия этого эшелона вокруг Каспийского и Аральского морей – это тема для новой «Одиссеи». Наконец, почти через год, в октябре сорок второго, эшелон видели – в последний раз – на станции Козулька, известной, может быть, вам по очерку Антона Павловича Чехова «Остров Сахалин». Где-то между Козулькой и Красноярском эшелон исчез бесследно. Напомню, это был уже октябрь сорок второго – кому какое дело было до несчастного эшелона? А после декабрьской Реформы возник уже новый Семенов, тот, которого мы знаем: «Семенов и сыновья» – три звездочки, пять звездочек, «особо выдержанный»... Но несколько сот бочек дед Семенов сохранил, не пустил в продажу. Они замурованы в его подвалах и ждут своего часа: одни наступления нового тысячелетия, другие – столетия фирмы, третьи – еще каких-то славных дат. Говорят, есть бочка, отложенная до дня Страшного Суда. Та бочка, из которой мы сейчас пьем, была открыта две недели назад на восьмидесятилетие Гавриила Семенова. И я предлагаю выпить за то, чтобы нас никогда не покидали оптимизм и вера в будущее, как не покидали они этого славного патриарха. Прозит!

Пили, восхищенно жмурились, обменивались только междометиями. О-о! М-м-м! Э-эх! Да-а, господа... Мягкий, шелковый напиток. Безумно богат его букет и неизмеримо коварство: со второй порции отключаются ноги. После третьей-четвертой возникает странный эффект: тебе кажется, что голова твоя по-прежнему светла и ты практически трезв, только весел; в дей-

ствительности окружающий мир ты уже практически не воспринимаешь остаешься лишь ты сам и твои собутыльники и сотрапезники. Не зря же целую бочку Семенов заначил до Страшного Суда. Имунитета к «Турксибу» нет, от него пьянеют даже самые стойкие; похмелья после него тоже не бывает. Вместе с ломтиком лимона я бросил в рот капсулу холапана. Теперь печень активно погонит желчь, а поджелудочная железа начнет выбрасывать в кровь огромное количество инсулина. Надо не прозевать момент и съесть что-нибудь сладкое...

Сказал тост полицейский. Он предложил выпить за прекрасных дам, за наших жен и любовниц – пусть никогда не встречаются! Выпили – с большим удовольствием. Я достал следующую бутылку, а проводник принес еще один лимон и банку японских консервированных фруктов. Теперь процесс становился самоподдерживающимся: таково свойство практически всех смешанных русско-немецких компаний: пить до отпада. Порознь может быть и так, и этак, а вместе – тушите свет. Вероятно, таким путем русские сублимируют свою полувековую мечту о реванше, а немцы глушат насмерть темные предчувствия.

Заскрипев сочленениями, поезд тронулся. Уплыл назад мокрый часовой, мокрый газетный киоск, мокрые офицеры пограничной стражи под мокрыми зонтами, кончились платформы, застучали колеса по стрелкам, мелькнули светофоры и знак «граница станции», побежали мимо пристанционные постройку, домики, переезд со шлагбаумом, на дороге грузовик, два трактора, мотоцикл, еще дальше – ферма, жилой дом, и теплицы, теплицы, теплицы, гектара два теплиц... местность была плоская, как блин, и в такую погоду особо унылая... деревья в лесополосах застыли по стойке смирно и ничем не напоминали создания природы, а редкие березовые колки всем своим видом выказывали смирение и понимание того, что оставлены они жить только из невыразимой милости... Уже выпили и по третьей, и по четвертой – под какой-то совершенно непристойный тост, сказанный Р-147, и под робкое «Это... за знакомство, что ли...» проводника. Стало совсем темно, дождь усилился, окно, несмотря на гидрофобное покрытие, заливало водой. Тучи вспыхивали лиловым, и гром, хоть и ослабленный, проникал в вагон. Нет, ты скажи, требовал полицейский у проводника, ты скажи: справедливо это? Я тут всю жизнь живу, и отец мой жил, и деды, и прадеды, а он мне: оккупант? Справедливо? Зепп, бил себя в грудь проводник, Зепп, бля буду!.. Потому что все мужики хамы, объясняла Р-147, вам всем одно нужно, что я, не знаю, что ли? Примитивное удовольствие. Воткнул – и к следующей. Что я, не вижу? Комплекс Кулиджа. Воткнул – и дальше побежал. На нее не обращали внимания. Ты пойми, тряс рукой проводник, ты пойми: русский человек – это русский человек! Ты, главное, суть пойми!.. Меня вдруг затрясло: теплая пелена опьянения исчезла, и я оказался под леденящим взглядом исполинского глаза, как бы под лучом замораживающего прожектора – я все уменьшался в размерах, а глаз рос, рос, уходя в бесконечность... срочно нужно было съесть что-то сладкое, срочно – я упустил момент... рука почти чужая: я отстраненно смотрел, как она неуверенно сыпет сахар в остывший чай, ворочает там ложкой, поднимает чашку... начинался настоящий озноб, но я успел судорожно выхлебать приторный сироп. Теперь можно и коньячку, настоящего коньячку без легенд и излишнего коварства... зачем я вообще это сделал? Черт его знает... Полицейский тряс бутылкой, силясь добыть еще хотя бы каплю. Я встал – тело ныло, как после тяжелой продолжительной болезни, сердце несло куда-то в третьем режиме, – и достал литровую бутылку «Хасана». Это, конечно, пойло, травяной настой, но он хорош тем, что после него не болит голова. Вот – русский человек! – воскликнул проводник, простирая руки. – Он понимает душу любого – русского, немца – любого!.. Я не русский, сказал я. Я полуполяк, полуиспанец. У меня мама – Родригес. Все равно, ты русский! – настаивал проводник. – Ты думаешь по-русски, и ты понимаешь русскую душу. Разве что, согласился я. Теория крови – это блеф, веско сказал полицейский. Партия разобралась и дала бредням Розенберга суровую оценку. Бредни Розенберга разоблачены, разоблачен и сам Розенберг. Верно, Зепп, все люди братья, подхватил проводник, давай на брудершафт! Стали пить на брудершафт. Полицейский с проводником, я с

Р-147. От таких губ тоже должно бить током. Но почему-то не било. Р-147 откинулась назад и издала слабый стон – будто где-то далеко, в каменной пустыне, вызывает о помощи живое разумное существо. Налили еще по одной, теперь была моя очередь целоваться с проводником. Это оказалось не так ужасно, как представлялось. Глазки у проводника были уже как у вареного поросенка. Р-147 целовала полицейского взасос, правая рука ее скользнула вниз по мундиру, нашла ширинку – и замерла в восхищении. За окнами прогрохотали фермы моста – мы переезжали Тобол. Гроза осталась позади, из-за туч выскользнуло солнце и заплясало на зеркальном куполе «Евразии»; из светящегося тумана проступил похожий на перевернутую букву «у» силуэт «Самсона» – знаменитого курганского небоскреба. В прошлом году мы работали в нем и вокруг него: «Дети Адольфа» пытались добраться до сейфов «Сибнефти», захватили заложников... В простоте душевной они считали, что снять их со сто четвертого этажа будет трудно. Так... пришел мой черед целоваться с полицейским. Он уже ничего не понимал. Р-147 заставляла проводника слушать, как у нее бьется сердце. Братские чувства ее просто переполняли. Колеса снова застучали на стрелках, и тут в проводнике шевельнулись профессиональные навыки. Едем, что ли? Ну да, едем... Он подобрался к окну. Поезд задрожал и остановился. Неверными шагами проводник двинулся в коридор, но тут же появился вновь, пятясь, сжимаясь во что-то маленькое и незаметное. Вошли и замерли в глубокой растерянности три полицейских офицера. Наш полицейский встал, оправил мундир, нашел фуражку и с третьей попытки надел ее. Повернулся ко мне, покачал толстым пальцем перед носом, сказал строго: Зепп Клемм не оккупант! Запомни и передай всем – Зепп Клемм не оккупант! На вот – чтобы помнить... Он снял часы и стал надевать их мне на руку. Не оккупант, повторял он, не оккупант, не оккупант...

7.06. Около 3 часов ночи.

ГДЕ-ТО МЕЖДУ ЕКАТЕРИНБУРГОМ И КАЗАНЬЮ.

Я так и не уснул. Лежал, ворочался, мчался раскаянием. Зачем устроил жеребятину? Ну, в самом-то деле – зачем? Дурака валял? Воистину дурака... Пытался расслабить тело и заставить мозги подумать о деле – тоже не получалось. Тот мизер информации, что у нас был, уже давно усвоен, и нового из этого ничего не выжмешь. Надо просто там, на месте, натянуть хорошую паутину, сесть поудобнее и ждать. И все. Техника заброшена, люди все на месте, времени у нас вагон... Р-147 как прилегла в Кургане, так и не пошевелилась до сих пор. Я прикрыл ее пледом – она сморщилась обиженно, и все. Интересно, какая у нее в этой игре роль? Если, конечно, в этой игре... и если я не обознался. Я тихонько встал, наклонился над ней. Спит... но как-то странно... не пойму... Я вдруг понял, что она на меня смотрит. Веки не сомкнуты, только опущены... и волосы за ухом как-то не так лежат... Я протянул руку, коснулся волос, и тут они все легко скользнули вверх, обнажая гладкий зеленоватый череп, глаза страшно распахнулись, а вокруг моих ног захлестнулось и обвилось что-то упругое и сильное, отлетел плед – ко мне тянуло руки чешуйчатое хвостатое существо...

– Проснитесь! Проснитесь! – незнакомый перехваченный голос.

– Что? – я приподнялся. А... все в порядке, в порядке... – у меня тоже перехваченный голос. Купе, горит настольная лампа, сердце опять в третьем режиме. Р-147 без косметики, в том же черном свитере и трусиках, и пахнет от нее мылом и зубной пастой – встала, умылась...

– Вы так кричали, – сказала она жалобно. – Я думала, убили кого-то.

– Пойду умоюсь, – сказал я.

Убили... убили... ну, убили. И что теперь?

Рожа в зеркале была не моя. Похожая, но не моя. Не родная. Это тоже гнездится где-то: вот однажды посмотрю в зеркало, а там – крокодил, или оскаленный череп, или старик... или женщина. Что не менее ужасно.

Умылся. Вернулся. Посмотрел на трофейные часы. Тут же забыл, что там увидел. Р-147 лежала с открытыми глазами. Свитер ее очень небрежно и очень заметно валялся на столике. Эти немецкие женщины...

– Вам что-то приснилось? – спросила она.

– Может быть, – сказал я. – Не запоминаю снов.

– Меня долго мучали кошмары, – сказала она. – Пока я не стала лечиться у Бонгарда.

– Извлечением души?

– Не смейтесь, это действительно так! Это не выдумки, я же... – она замолчала и приподнялась на локте. – Хотите попробовать? – страшным шепотом спросила она.

– Нет, – сказал я. – Мне нельзя. У меня искусственное сердце.

– Неважно! Ведь душа...

– Все равно не хочу.

– Вы будете жалеть, страшно жалеть...

– Гашу свет?

Я выключил лампу, разделся и лег. Р-147 выглядела подозрительно бодрой. Снопала какой-нибудь стимулятор? Допустим. Ну и что? Не везу я ни оружия, ни фальшивых паспортов, и даже денег у меня кот наплакал. Залезть же в память раухера невозможно.

Да и залезь туда кто... Архивная крыса Люба, вручая мне тощенькую папочку с материалами по «Пятому марта», сказала: все здесь, Игорек, нет больше ничего, будто и не люди это, а мороки. И Командор бушевал, что идти на акцию с такой информацией – это просто подставлять задницу. Бушевал он, впрочем, наедине со мной, в подвальчике того самого, на углу Авиаторов и Денисюка, хлопнув предварительно для расслабления полбутылки «Кедровой». В кабинете же Тарантула он вел себя лояльно и делово и даже изображал повышенное внимание, когда Тарантул с мужественной сдержанностью и простыми словами заливал нам, насколько от успеха этой акции зависят судьбы нашей цивилизации и даже самое существование оной. И здесь в который раз проявилось замечательное свойство мимики Тарантула: какую бы святую истинную правду не говорил он – вплоть до цитирования таблицы умножения – видно было: врет. Может быть, потому, что когда-то зубы съел именно на дезинформации. Взять, скажем, сибирскую атомную бомбу: сделали ее в металле только в семьдесят втором, но уже с пятьдесят восьмого весь мир был убежден, что она существует. Прошла большая серия дез: будто бы Гринсгаузен передал Сибири документацию по ультрацентрифуге для разделения урановых изотопов (он так и сидел бы до сих пор, если бы не умер от лейкоза), и будто бы где-то в пустыне Намиб наши егеря захватили трейлер с обогащенной урановой рудой (трейлер действительно пропал, но без нашей помощи – но очень кстати), и за немислимые деньги везде, где только можно было, скупали плутоний, и даже загрузили в глубокую шахту и подорвали полторы тысячи тонн аммонита – и Тарантул потом, очень довольный собой, говорил, что атомная бомба, существующая только в головах противников, сдерживает их не хуже настоящей, а обходится раз в сто дешевле... поэтому, слушая его, я все старался понять, в чем же заключается истинный смысл операции – но так, конечно, и не понял.

Не понял до сих пор.

– Ах, это невозможно, – сказала Р-147, – я не понимаю – быть таким бесчувственным... я не понимаю.

Она села, замерла на минуту – будто внезапно и глубоко задумалась потом быстро шагнула ко мне и забралась под плед. Это невозможно, шептала она, это невозможно, это... Да, подумал я, невозможно... а если невозможно избежать насилия, расслабьтесь и постарайтесь получить удовольствие...

Год 1961. Зден

31.08.1961 г. 7 час. 20 мин.

Окрестности станции Шатилово. База ВВС Союза Наций «Саян».

Криволапов поднял руку, и я как был, так и замер. Задние тоже замерли. И тогда стал отчетливо слышен хруст веток – впереди и справа. Держа автомат в левой, подпоручик приподнялся по-змеиному и отогнул мокрую и от этого как бы седую еловую лапу. Он смотрел долго, очень долго, потом покачал головой и встал в рост.

– Ні, – сказал он. – How are you, fellows?

Ответом был невнятный возглас.

– Егеря мы, егеря, – он исчерпал запас английских слов. – Е-ге-ря, understands? Зден, ты же болтаешь по-ихнему, иди сюда... Яковлев, Аздашев – прикрываете.

Я встал. Зрелище открылось безотрадное. Под кривой (здесь все кривые, но эта как-то особенно) елью лежали трое, обмотанные грязными окровавленными бинтами, а четвертый стоял над ними, скрючившись и расставив руки, грязный, тощий, в раздавленных очках...

Первым делом я осмотрел раненых. На скорую руку, понятно. Их истыкало осколочками «погремушки». Досталось в основном ногам. И вот этот тощий, Тимоти, волок их сюда по одному, прятал, возвращался за следующим... Был еще один раненый, но в момент, когда Тимоти его нес – вон там, за той высокой сосной, видишь? – прилетела пуля и добила парня, он умер почти сразу... Так что же случилось у вас там внизу, Тим? Случилось? Случилось...

Случилось же вот что: по бетонке, ведущей от станции Тихая (по Абаканской дороге следующая станция после Шатилово) подъехали несколько грузовиков. Тимоти, дежурный инженер-электрик, из окна своей комнатки, смежной с пультовой, хорошо видел их. Наверное, грузовики ждали, потому что охрана быстро проверила документы и открыла ворота – одни и вторые. Через несколько минут началась стрельба – редкая, рваная, растерянная. И сначала непонятно было, в кого стреляет охрана – видны были только свои, хотя кто-то включил прожектора и территорию базы залил свет. Солдаты падали один за другим, а их врагов не было видно и не было слышно... Начали стрелять зенитки. Потом он их все-таки увидел – врагов. Они были в чем-то сером, бесформенном, и тусклое мерцание на стволах их оружия не сопровождалось никаким звуком. Враги возникали и тут же пропадали, как тени. Как призраки...

Потом они ворвались в пультовую. Кто-то пытался отстреливаться... На них, дежурных, даже не стали тратить патроны – бросили взрывпакет и прикрыли дверь.

Тимоти уцелел чудом. Ударной волной его вынесло через окно, и какое-то время он провалился под самыми ногами захватчиков свеженьким трупом. Чтобы не вонял, его оттащили в сторону...

Потом он очнулся, и у него хватило ума некоторое время не заявлять о себе. Улучив момент, он ускользнул в тень. Захватчики деловито обшаривали территорию, но Тимоти как электрик знал кое-какие тайные тропы. Через кабельный колодец он пробрался в одну из зенитных башен – и там обнаружил среди мертвых номеров четверых раненых. Зенитчики до того, как их забросали «погремушками», вели огонь по стене и проволочному ограждению, то ли увидев там кого-то, то ли просто наугад. Теперь в стене зияли пробоины, а ограждение было сметено начисто. Туда и пополз Тимоти – сначала один. Но, оказавшись в лесу, он впал в состояние панического страха, и в этой панике он вернулся, вынес одного раненого, второго, третьего, четвертого... Четвертому не повезло: было уже слишком светло.

Сколько было нападавших, он не знал. Он даже не видел точно, сколько подъехало грузовиков. Может быть, три, а может быть, пять. И на каком языке они говорили, он не слышал.

И какое было оружие, не разглядел. И насколько уцелели оборонительные сооружения базы, не имел представления. Есть одна брешь в стене, это точно, что же касается остального...

– Зден, – сказал Криволапов. – И Яковлев. И ты. You, – он ткнул лапой в американца. – Раненых на плечи – и в расположение. Зден, утащишь его? – он посмотрел на меня с сомнением. – Хотя – куда ты денешься... Исполнять. Аздашев, со мной. Посмотрим, что там за брешь.

Было очень скользко, особенно на камнях, поросших мхом. Мы перли в гору, почти ничего не замечая, и в конце подъема я просто перестал жить. Однако вот поди ж ты: будучи остановлен, освобожден от ноши и освежен хорошим глотком водки, я немедленно просветлел мозгом и принялся живо переводить вопросы Горелова и ответы Тимоти – хотя оба они поначалу казались мне персонажами какого-то допотопного фильма, поскольку были плоскими, черно-белыми и отделенными от меня струями дождя... Лишь потом рядом с Гореловым я разглядел два новых лица: худого узкоглазого капитана и полужнакомого полковника: то ли седой, то ли выгоревший ежик, лицо цвета обожженной глины, широкий нос с нервными ноздрями кокаиниста, стянутая давним ожогом левая щека...

Только когда быстрый опрос Тимоти закончился и его отпустили отдыхать, велел на всякий случай быть поблизости, а меня тоже отпустили – принять пищу, – я вспомнил, почему лицо полковника показалось мне таким знакомым. Он командовал десантом на Фергану в пятьдесят седьмом, во время «мятежа девяти шейхов». Фамилия его была Семенов, и знаменитому винопромышленнику он приходился старшим сыном.

Хотя операция по взятию Ферганы была проведена молниеносно и успешно, после нее Семенов то ли вышел в отставку, то ли был отправлен в резерв. И вот теперь он почему-то здесь...

Жрать мне не просто совсем не хотелось, а как бы наоборот, да и Косичка, выдавая банку с рационом, сказал: не ешь, если в брюхо ранит, то пусть уж в пустое; на вот лучше, пососи – и протянул большой кусок серого колотого сахара. Что там, внизу? Хреново внизу, сказал я, бойцы умелые, много их, и база им досталась целехонькая. О-хо-хо... – вздохнул мой сержант и отошел.

Год 1991. Игорь

7.06. 9 час ОВ. КАЗАНСКИЙ ВОКЗАЛ.

Оказалось, что мы можем ехать одной машиной. Ей на улицу Гете, семнадцать – домой (адрес, телефон – все записал, да, позвоню, конечно), мне – на улицу Гете, двадцать шесть – в консульство. Носильщик уложил наши чемоданы в багажник такси, выдавшего виды «блау-фогеля», я расплатился с ним, сел рядом с Кристой, таксфарер переспросил адрес, тронулся – поехали. Через центр поедem или по кольцу? Как вам удобнее. Тогда по кольцу, в центре сейчас можно надолго застрять. И полиции там – в жизни такого не видел. С послезавтра, говорят, вообще внутри кольца только с пропусками можно будет ездить – во жизнь начнется веселая! Ну, это ненадолго, сказал я, дней десять, не больше. А сколько бензина лишнего сожжешь за это время, а? Да, это верно...

По кольцу свернули не налево, как я ждал, а направо, к Самотеке. На Таганской асфальт кладут, сказал фарер, ночью, видно, не успели, я только что оттуда, с Павелецкого... Нет разницы, сказал я. Есть небольшая, возразил фарер, с километр разница есть, но так надежнее... вы сами-то откуда? Из Томска, сказал я. Я слышу, выговор, вроде, не наш, сказал он. И как там, в Томске, дела? По-моему, замечательно, сказал я. А что у нас-то творится, слышали? Да уж... И что вы про это все думаете? Наверное, правильно все, в общем-то... Немцы уж очень обижаются, сказал он, а я так думаю, мы же не звали их сюда, правильно? А с другой стороны... Во, мотнул он головой, аж со всего света слетелись... На обочине, двумя колесами на тротуаре, стоял, накренившись, панцерваген «Мefисто». Башня была зачехлена. Вокруг машины слонялись глянцево-черные зулусы в белой тропической форме. Офицер – белый – скучал на водительском месте, а водитель копался в моторе. Вот, сказал наш таксфарер, русских – туда, черненьких – сюда, так и живем... На въезде в туннель под Тверской стояли пулеметные гнезда из мешков с песком, там дежурили парни в болотного цвета комбинезонах и каскетках – кажется, финны. У туннеля под Геринга пулеметные гнезда еще только ставили. На плоской крыше Культурного центра маячили часовые. Все это, конечно, играло роль забора, не более: настоящие сторожа прятались в тени. Позвони обязательно, сказала Криста. Непременно, сказал я. Где ты обычно останавливаешься? Как правило, в «Гамбурге», попробую и на этот раз там же. Место тихое, и до фирмы десять минут прогулки. И до меня столько же на подземке, сказала Криста. Именно. Въезд на мост охранялся крепко: по два панцервагена с каждой стороны, на самом мосту рейхсгренадеры, под мостом на бочке десантный катер. Пожалуй, про тридцать тысяч фон Вайль соврал. Как бы не все сто. Это уже не охранные мероприятия, это уже осадное положение. И – кстати – в Каире тоже ведь было осадное положение: пропускной режим, комендантский час, прочие прелести – и что? Генерал-губернатора с женой и детьми расстреляли в упор и скрылись без следа. «Пятое марта»... До Каира генерал-губернатор был комендантом Тифлиса.

Поворот на Гете был закрыт, регулировщик, красный, как из бани, крутил жезлом: проезжайте, проезжайте, проезжайте! Чуть дальше по движению висела схема объезда. Тащились мы теперь еле-еле, пришлось поднять стекла: сплошной бензиновый перегар. Так теперь вот и ездим, сказал таксфарер. Ну, ладно... За памятником Гете на высоких, метров по сорок, флагштоках развевались флаги четырех держав: красно-белый с черным тевтонским крестом в дубовом венке, белый с красным кругом, звездно-полосатый и бело-зеленый. На фасаде Фройндшафтхаузена висели портреты фон Вайля, Катакири и Джона Кеннеди. Портрет Толстого готовились поднимать краном. Толстой взирал на все происходящее недоуменно. Наконец, мы доехали до нужного поворота, проехали по узкому коленчатому переулку, свернули в другой – и оказались на Гете, как раз напротив консульства. Человек десять полицейских с

собаками и при автоматах стояли у забора, а на территории чернели береты наших морских пехотинцев. Нечего было и думать останавливаться здесь. Даже у дома семнадцать, выходя из машины, я чувствовал на себе нехорошие целящиеся взгляды. Таксфарер хотел нести наши чемоданы, но я отпустил его. Квартира Кристи была на втором этаже. Муж ее постоянно жил в Мюнхене, это я уже знал. Квартиру они снимают вдвоем с подругой, но днем подруга на службе... чашечку кофе? Божественный арабийский кофе, такого больше нигде нет. Боюсь, не сейчас – моего здешнего шефа нужно ловить до обеда. Вечером позвоню. Поцелуй – долгий, чересчур долгий... так я точно никуда не успею. До вечера. Приходи. Обязательно. Все.

7.06. 18 час. ТУРБАЗА «Тушино-Центр».

– Не знаю, не знаю, – пробурчал Командор. – Я все-таки подбросил бы ей «клопа».

Я молча пожал плечами. Подбрасывать «клопа» имело смысл только тем, кто его заведомо не станет искать. Если же Криста наведена на меня, то «клопа» моего она найдет в пять минут – и тут же начнет давать нам «дезу». Конечно, если мы хотим с самого начала запутаться в собственных яйцах...

– Вон место свободное, – вместо всего этого сказал я.

За красно-синим чудовищным грузовиком возник, наконец, просвет, Командор свернул туда, но какой-то нахал на драной «Онеге», дав задний ход, постарался зарулить в этот просвет раньше нас, не рассчитал и глубоко пробороздил нам левое переднее крыло. Командор вышел, посвистывая, обошел нашу машину, обошел «Онегу», встал перед нахалом – маленький чернявый Командор перед мальчиком сто девяносто дробь девяносто, белокурой бестией русского разлива, – и гнусным голосом потребовал:

– Сто – и проваливай.

У мальчика отвалилась челюсть.

– Ты, люммель, – только и смог сказать он.

Командор лениво поднял ножку, описал ботинком круг перед курносым лицом белокурой бестии, потом так же лениво лягнул «Онегу». Левая дверь вдавилась внутрь салона, стекло разлетелось, как осколки гранаты.

– Триста, – сказал Командор еще более гнусно.

Такой букет выражений одновременно на одном лице мне видеть не приходилось. От ярости до искренней детской обиды – даже слезы заблестели в светлых глазах. Он, белокурая бестия, просто по определению должен был задать перцу вот этому черненькому сморчку, а тут вдруг сморчок намекает, что все будет едва ли не наоборот, и даже портит игрушку... и деньги...

– Пятьсот, – не дождавшись адекватной реакции, продолжал крутить счетчик Командор.

Тут до бестии дошел, наконец, весь ужас положения. Он побелел и полез в карман за бумажником. Руки его дрожали.

– Тут четыреста двадцать, – сказал Командор, подсчитав сиреневые бумажки. – Восемьдесят, пожалуйста.

– Больше... все.

Ударом кулака Командор выбил еще одно боковое стекло.

– Проваливай. И чтоб я тебя никогда больше...

Тот газанул, отъехал метров на сорок, тормознул со скрежетом, высунулся и проорал – не слишком разборчиво, правда – какое-то оскорбление. Командор махнул рукой – и в центре заднего стекла образовалась дыра с ладонь. «Онега» опять рванула вперед и больше не останавливалась.

– И зачем этот цирк? – спросил я.

– Надо же поддерживать реноме, – усмехнулся Командор.

– Но шариком – это ты все равно зря.

– Шариком – зря, – согласился Командор.

Полудюймовым шариком от подшипника – их Командор носил в специальном патронтишке на правом запястье – он убивал на лету ворон. Как всяким секретным оружием, этим следовало бы пользоваться в самых крайних случаях.

Командор подхватил пляжную сумку, запер машину, и мы двинулись к пляжу. Я не ожидал, что здесь будет такая толпа. Тысячи одетых легко, одетых символически и неодетых вовсе людей лизали мороженое, пили соки, вина и пиво, пиво, пиво – пиво в самых разных тарах, от баночек до канистр, пиво всех цветов и оттенков. Команда А пила светлое пиво стаканами – из двадцатилитрового термоса-бочонка. Стаканы запотевали. Подкопченные спины и задницы лоснились. Мы прошли мимо них, бросили сумку на свободный пяточок песка, разделись догола и полезли в воду. Вода была парная.

– Как в июле, – сказал Командор, и мы поплыли.

В прошлом году в Гвоздево мы с Командором, дуря, уплыли километров за десять от берега – два с половиной часа умеренного темпа, – и нас вылавливал пограничный катер. Мы ныряли и не давались. Доктор Морита говорил потом, что этот заплыв и стал последней каплей, переполнившей чашу терпения моего миокарда. Может быть, может быть. Сегодня мы поплавали совсем немного, и Командор поволок меня на берег.

– Где «бэшники»? – спросил я в воде.

– Снимают груз.

– Сегодня?

– Рейс задержали на сутки, что-то со шлюзами.

– А то можно было бы уже начать.

– Лишние сутки проживем, – Командор хихикнул.

– И то верно...

Груз: приборы, оружие, взрывчатка – находился в секретном отсеке круизного лайнера «Дон» («Из Ливерпульской гавани всегда по четвергам...»); о существовании отсека не подозревал даже капитан; попасть в него можно было только снаружи, имея специальный ключ. Значит, контейнер снимут сегодня... контейнер самоходный, но скорость его невелика. Значит, что-то серьезное можно начать делать только завтра днем. Ладно.

Страхивая воду на самых красивых девушек, попадавшихся нам на нашем пути, мы подошли к команде А и непринужденно расположились среди них. Преимущество встреч на пляже: невероятно трудно выследить тебя. Все голые, все плюс-минус одинаковые. Недостаток: не менее трудно засечь слежку. Но с этим пока придется мириться... Команду А набирал Командор, но всех этих ребят я знал, и неплохо: Крупицын Дима и Крупицын Сережа – не братья, просто из одного детдома, там им дали фамилию воспитателя; Яша Штоль; Гера Москвич; Сережа Панин; Сережа Кучеренко – черт побери, одни Сережи, других имен нет, что ли? И девочки, наша лейб-гвардия: Валечка Иванчук, маленькая, курносая, завяжи ей бантик – сойдет за семиклассницу; и Саша Полякова, роскошная блондинка с фигурой Венеры, вся бронзового цвета, окружающие парни так и пялятся. Наши знают, что пялиться бесполезно, Сашенька холодна, как лед, была у нее в детстве психотравма. Мы с Командором проглотили по стакану пива и растянулись на полотенцах. Гера крутил настройку приемника. На самом деле это был не приемник, а детектор микрофонов. Направленным, издали, нас тут не взять: пляж плоский, шумный. Не обнаружив ничего, Гера поставил звуковую защиту – так, на всякий случай.

– Ну вот, ребята, – сказал Командор, – Пан прибыл, теперь дело пойдет.

– Да уж, – сказал Панин, щурясь на меня. После акции в «Самсоне» ему не за что меня любить. – Теперь пойдет...

– Все откладывается на сутки, – сказал я. – К сожалению. Но заготовками давайте займемся сейчас. Девочки, вы пойдете погуляете по окрестностям и снимете двух, а в идеале трех

грузин. Лучше молодых. Обязательно грузин – не промахнитесь. И постарайтесь, чтобы это была полная компания, чтобы никто за кадром не остался.

- А если пятеро? – наклонила голову Валечка.
 - Переварим, – сказал я. – И ведите к себе. Ну, а Крупицыны обеспечат остальное.
 - Живыми – всех? – уточнил Дима.
 - Всех, – отрезал я.
 - А зачем Крупицыны, – лениво сказала Саша. – Мы и сами...
 - Конечно, – сказал я. – Затрахаете их до полной неподвижности.
 - Например, – согласилась она.
 - Нет, с Крупицыными надежнее, – сказал я. – Это как лонжа.
- Сашенька откинула со лба волосы и стрельнула в меня глазами – так, в четверть силы.
- Ладно, – протянула она.

Отвести от Саши взгляд было почти невозможно. Я и не пытался. Сашенька была яркая, привлекательная, манкая, но к телу своему относилась только как к инструменту, не получая от процесса ни малейшего удовольствия... но все время хотелось об этом забыть и попытаться совершить чудо.

Девочки подхватили свои халатики и туфельки и пошли к нашей с Командором стоянке. Им смотрели вслед.

- Слушай, Пан, – сказал Командор, – я все забываю спросить: а почему «Пятое марта»?
- Пятого марта сорок четвертого года немецкие войска вошли в Тифлис. Это конец независимости Грузии.
- Вот оно как... Долго держались: больше трех лет.
- Долго, – согласился я.

7.06. Около 20 час.

ПЕРЕКРЕСТОК БОЛЬШОЙ И МАЛОЙ БРОННЫХ. КАФЕ «ГЕНЗЕЛЬ И ГРЕТЕЛЬ».

Я тихонько объяснял Гансу, что надо сделать, а он слушал и соглашался: конечно, какие могут быть проблемы? Да, да, разумеется... Мы сидели в крошечном кабинетике, передо мной стояла чашечка кофе и блюдо с пирожными, и я никак не мог понять, почему меня от взгляда на них тошнит пока не вспомнил, что не ел с утра. С поезда. Ганс задумчиво поскреб свои подбородки, покачал головой: горячее бывает только до пяти... но можно посмотреть, не осталось ли чего из закусок. Я был готов на все. Ганс принес поднос, сплошь заставленный маленькими пластиковыми тарелочками. Одного только языка – пять порций. Хлеб рижский, похвастался Ганс. Очаровательно... Пойду к клиентам, сказал Ганс, если что надо... Спасибо, Ганс. Думаю, этого хватит.

Ганс не был нашим агентом в полном смысле слова. Просто он однажды провел две недели на борту пассажирского «Юнкерса», захваченного мальчиками из «Зари России». Мальчики требовали освобождения своих из тюрем, а также, в виде бесплатного приложения – восстановления России в границах 1914 года. «Юнкерс» мотался по аэропортам, пока не долетел до Бухары. Там мы его ждали – накануне эмир встречался с Толстым, и о чем-то таком они договорились. Мальчиков взяли без выстрела: просто впрыснули в систему вентиляции усыпляющий газ. Все это произвело на Ганса достаточно сильное впечатление, чтобы он сам предложил нам свои услуги. Теперь через него мы получали кой-какую необходимую информацию, а его кафе стало нашим почтовым ящиком и складом НЗ. Теперь, похоже, «Гензель и Гретель» послужит нам трэффпунктом... хотя это уже следующая стадия операции... но, пожалуй, самая главная...

Я не заметил, как смел все. Включая пирожные. В брюхе возникла приятная тяжесть. Как это Ганс таскает свой дирижабль? Побегай-ка весь день... Закатное солнце отражалось в

черно-зеркальных гранях небоскребов-близнецов: РТА и издательского комплекса «ИНФРА». На крышу «ИНФРА» сел вертолет. Четверть девятого. Ну, что? Все на сегодня? И кроме того – здесь пять минут ходьбы... и деньги с собой... Почему-то сохло во рту. Я спустился в бар, взял две банки пива и вернулся. Пять минут туда и час там. Командор скучает в машине. Ну, поскучает еще. Как там, интересно, наши девочки? Наверняка в каком-нибудь дорогом ресторане – позволяют угощать себя. Да, и позвонить Кристе... с улицы позвоню. Идешь или нет? Ч-черт... Я продолжал сидеть и тупо дул пиво. Так. Случая больше может и не представиться, напомнил я себе. Последний тихий вечер. Появился Ганс, поманил: к телефону. Это была Валечка. Голосок у нее чуть подсел. Все замечательно, сказала она, как ты и говорил. Молодцы, сказал я, чего уж... успехов. Гад же ты, сказала она и повесила трубку. Я набрал номер Кристы. Занято. Посидел, о чем-то напряженно думая, и набрал еще раз. Опять занято. Ладно, Ганс, сказал я, пойду. Значит, завтра Сережа появится – часа в два. Да, забыл спросить: как с финансами? Нормально? А то мог бы подбросить...

Командор не скучал. В руках у него был вечерний выпуск «Садового кольца» на немецком, и читал он так внимательно, что не обратил на меня ни малейшего внимания. Я пристегнулся, пристегнул его, завел мотор. Командор продолжал читать. Пришлось вынуть из его рук газету.

– Куда едем? – голосом таксфарера осведомился Командор.

– К Пречистенским воротам.

И – хрен. Под сложносочиненным светофором при выезде на Никитские мы застряли. По бульвару валило какое-то шествие. Толстозадый фургон, стоящий перед нами, перекрывал почти весь обзор, а мою попытку выйти из машины пресек патруль. Что забавно – в колонне было немало негров, и флаги над головами развевались какие-то экзотические. Кричали, пели – не разобрать.

– Что интересного в газете? – спросил я.

– Вот это самое, – Командор ткнул пальцем вперед. – Почитай, почитай...

Ага, вот оно, это самое: сто сорок женщин в Москве объявили голодовку, чтобы не допустить отправку в Африку русского территориального корпуса. На что фон Босков резонно замечал: если треть африканских концессий принадлежит русским промышленникам, если из белых фермеров каждый четвертый русский, то почему бы русским юношам не поучаствовать в защите их интересов? Почему опять, в который уже раз, вся тяжесть периферийных войн должна лечь на немецкий народ? Комментатор газеты, некий Козлов, окольными, полуразмытыми фразами пытался объяснить и фон Боскову, и читателям, что это все верно, но при нынешних непростых обстоятельствах не лучше ли пренебречь формальной справедливостью, чтобы не утратить нечто большее? Пол-полосы занимала стилизованная карта мира: полосатый Союз Наций, красный Рейх, желтая Япония, зеленая Сибирь. Белыми оставались Британия, Африка и европейская Россия. На них красовались жирные вопросительные знаки. Над картой было: «После Москвы...» Имелось в виду Совещание.

Н-да... посидеть бы и подумать над этой картой. Чертова война в Африке – как бритва у горла этого старого мира, такого, казалось, прочного и надежного... три равновеликие империи и Сибирь между ними – Сибирь, делающая бизнес в том числе и на своем геополитическом положении – в центре мира... и вот теперь одно лишнее движение, и покатаются головы. Впрочем, наверное, война – только симптом, а на самом деле все сложнее, ведь, скажем, еще пять лет назад нынешняя ситуация – вся – была просто немыслима, а отправка территориального корпуса туда, куда требовали интересы всего Рейха, воспринималась бы как дело чести. Вспомнить Бирму, вспомнить Месопотамию... Нет, что-то происходит с людьми, и поэтому веселые послушные негры начинают резать белых, а британцам приходит в голову, что американцы их не столько защищают, сколько оккупируют, потому что страны, завоеванные когда-то Германией, живут лучше и свободнее, чем отстоявшая независимость Британия, а русских

вдруг потянуло на воссоединение разделенной когда-то России, хотя вряд ли кто объяснит, какой в этом практический смысл, и уж подавно никто не скажет, как это можно сделать без массивного кровопролития. И еще я подумал, что в поведении больших масс людей – народов, наций – проступает что-то общее с поведением человека, лишенного чувства боли. Никогда не знавшего, что такое боль. И потому способного на самые замечательные эксперименты над своим телом... Додумать я не успел: Командор, как гонщик, на вираже обошел фургон и погнал по бульвару. Я оглянулся и успел заметить: за колонной демонстрантов шла шеренга солдат в белой тропической форме.

– Дальше куда? – откинув голову и как бы приносиваясь, спросил Командор.

– До станции подземки.

– И?..

– Спустишься вниз, сядешь в поезд, доедешь до Кузнецкого, там пересядешь – и до конечной. Дальше – автобус сто двадцать девятый.

– То есть ты меня выгоняешь?

– Проследишь, чтобы живцов взяли гладко. И второе: надо найти два «мерседеса», за ночь переокрасить под полицейские, оборудовать соответственно. И поставить... – я задумался.

– Можно оставить в том же боксе.

– Он что, такой большой?

– Семь на одиннадцать.

– Нормально. Хорошо, пусть там и стоят.

– Взять в прокате?

– Лучше просто угнать.

– Знаешь, у дорожной полиции есть еще «Хейнкели-Ф». Я тут приметил один – в спортклубе. Может, его?

– Тесноват, пожалуй.

– Зато скорость.

– Тебе видней. Бери.

– Угм...

Мы въехали в туннель под проспектом Геринга. Не только при пулеметных гнездах на въезде, но и в самом туннеле стояли часовые. В плоских мембранных противогазах, они походили на инопланетных завоевателей.

– На этой станции? – кивнул Командор на вход подземки.

– Зачем? – удивился я. – На Пречистенских – там без пересадки.

– Тьфу ты, черт, – сказал Командор и действительно плюнул в окно. Топографический идиотизм: не могу запомнить схему подземки. Все помню, а это не могу.

– Ты еще в Мюнхене не был...

Все пустое пространство, от Пречистенских ворот и до набережной, было полно людей. К нам они стояли спинами, и нельзя было прочесть, что написано на их транспарантах. Во всю ширину Пречистенки тоже стояли люди и спокойно ждали, когда полиция перекроет движение и пропустит их. Мы на черепашьей скорости проползли мимо них. Справа, возле самого тротуара, окруженный молодыми, как-то очень одинаково подстриженными ребятами, стоял старик в черном костюме; на левом борте его пиджака сверкала медаль «Золотая Звезда». Командор свернул на Остоженку, втиснулся между стоящими машинами и уступил мне место за рулем.

– Пойду послушаю, что говорят, – сказал он.

– Давай.

– Успехов.

– Будем надеяться.

– Пока.

Он сделал шагов пять и пропал из виду. Это особый талант: уметь затеряться мгновенно и даже не в толпе – просто среди прохожих на тротуаре. Ну, а здесь... Море голов замедленно, осторожно растекалось по площади, и белая тонкая часовня, поставленная здесь в память о поруганных святынях, поднималась из моря одиноким утесом. Я долго смотрел на все это – до ломоты в переносице. Потом вырулил на полосу и поехал прямо. Было светло, сухо, чисто, но почему-то хотелось включить то ли дворники, то ли фары.

Год 2002. Михаил

26.04. г. 15 час.

Константинополь. Университет.

На выходе меня перехватил Петька Млечный. Он был весь как не слишком дружеский шарж на примерного студента: косо сидящие круглые очки, торчащие уши, галстук на боку, противокислотные нарукавники (хотя занимался Петр Валерьевич отнюдь не химией, а историей). В свое время я для него добывал посредством раухера в закрытых библиотеках необходимые материалы.

– Миш, можно тебя? – робко.

Зойка на такое обычно отвечает: «Можно, только не здесь». Я посмотрел вдаль. «Оппель» стоял пока еще пустой.

– What`s that so black agin the sun? – на всякий случай поинтересовался я.

Он вздохнул. К языкам он не имел ни малейшей способности. В отличие от меня он и родился в Константинополе (то есть, наверное, в Стамбуле?), но ни турецкого, ни немецкого, ни греческого не знал абсолютно. И русским он овладевал с трудом, как бы в чем сомневаясь. Когда родители разобрались, что мальчика надо не учить, а лечить, было уже поздно. Пароход ушел. Я не понимаю, как же так: вот рука, а называется по-разному, жаловался он. Не должно так быть... При всем при том память у него была феноменальная.

– Миш, тут такое дело... помнишь, мы как-то о всяких случайностях в истории рассуждали? Давно еще.

– Кажется, помню, – пожал я плечами. – А что?

– Ты мне еще программу составлял... ну, для поисков...

– Это помню.

– Вот посмотри... я тут обработал кое-что... – он подал мне кассету для раухера. – Может быть... ну... интересно покажется...

Я взял. Покрутил в пальцах.

– Видишь ли, друг мой... Я сейчас не дома живу. Смотреть не на чем.

– Почему не дома? – в ужасе прошептал Петька.

– Да ничего особенного. Опять с маман поругался. Переселился на лодку. Но раухера там нет. Обычная история. Сапожник без сапог.

– А хочешь, я тебе свой дам? – с готовностью предложил Петька. – Альбом. На всю неделю. Хочешь?

– Тебе так надо, чтобы я это прочитал?

Петька кивнул:

– И если что-то непонятно будет – звони.

Из внутреннего кармана пиджачка он вытащил альбом: мощный, дорогой, фирмы «Идеал». В чехле тисненой кожи.

– Дня три тебе хватит?

– А там много?

– Нет, совсем нет. Двенадцать таблиц.

– Ладно, давай... – я сгреб раухер, кассету, сунул их в сумку... но уйти не успел.

– Хорошо, что я тебя увидел, Михаил, – строго сказал, подходя, Стас Тхоржевский. – И тебя, Петр. Сегодня в девять собрание общества, и вас обоих я прошу быть обязательно.

Стас тоже являет собой шарж – на выпускника курсов «Юный вождь». То есть если бы курсы такие, конечно, были. Он высок, широкоплеч, белокур, у него открытое честное лицо, которое ничуть не меняется, когда он откровенно врет. Костюмы он носит с явным милитар-

ным акцентом. Вокруг него постоянно крутятся пять-шесть ребят помельче. На моей памяти он был скаутским орлом и капитаном сборной по гребле. Теперь он председатель монархического общества.

– В девять у меня уже назначено, – сказал я.

– Ты уже пропустил одно собрание, Михаил, и тебе следовало бы...

– Стас, – сказал я. – К идеям монархизма я индифферентен. Я принимаю его только с эстетической точки зрения. Принимаю, не более. Так что на всех этих собраниях мне делать будто бы нечего...

Он хитро ухмыльнулся, и это на полсекунды вернуло его официальному лицу нормальное человеческое выражение.

– Сегодня нашим гостем будет сам наследник, – сказал Стас. – Он приехал.

– О-о?

Ну, что тут еще скажешь? Любопытство – оно, конечно, порок... хотя и не преследуется по закону... если не переходит разумные пределы...

– Ладно, – сказал я. – Убедил. Возможно, я буду не один.

– Но не толпой, – очень серьезно предупредил Стас. – Зал не слишком велик.

Он отошел, невидимо козырнув.

– Ты сейчас домой? – спросил я Петьку.

– Я... нет, мне еще долго... и это собрание. Если что – вы меня довезете хотя бы до моста?

– Думаешь, мы так долго будем встречаться с наследником? Большое ему до нас дело. Полчаса, охмурил – и дальше. У него таких встреч, наверное, штук восемь в день.

– Да? – усомнился Петька. – Тогда зачем же... вообще?..

– Сложный вопрос. Потом обсудим. Пока! – возле «Оппеля» уже маячила белая шляпа. Поворачивалась направо-налево и покачивалась. Этак медленно и плавно.

Сильно дымя, выезжали со стоянки угловатые разрисованные автобусы. Ими не любили пользоваться: слишком долго ехать. Было бы куда удобнее, если бы один маршрут, допустим, шел в Перу, другой – в Скутари, третий кружил по лабиринтам Старого города. Нет, нельзя, решили городские начальники, тогда получились бы отдельные автобусы для русских, для немцев, для турок, нет, сделаем единый маршрут... и есть бедные студенты, которые добираются до дома два с лишним часа. Хотя есть и плюс: можно готовиться к занятиям. Или смотреть кино.

Зойка была одна. Тедди свернул где-то, и вот – пропал. С ним это происходило регулярно. Он мог так пропасть на целые недели, а потом от него получали открытку из Сиднея.

– Будем ждать? – решил уточнить я. Зойка не ответила, только посмотрела на меня задумчиво, смешно приподняв кончик носа указательным пальцем. – На наследника престола хочешь посмотреть?

– Я уже видела. Он в ректорате сидит. Я зашла, а он там. Парень и парень. На тебя похож. И с ним два таких робота... – она изобразила лицом, каких именно робота.

Заверещал телефон. Это был Тедди.

– Ребята, меня не ждите. Давайте в шесть часов в «Азиче». Пока.

Отбой. И все. Позвонить ему и уточнить обстоятельства невозможно: Тедди всегда держал сигнал вызова отключенным. Таковы были общие принципы его бытия.

– Значит, ты будешь меня развлекать, – распорядилась Зойка. – С чего начнем?

Я пожал плечами и сел за руль: Зойка машину не водила.

– Я бы поела жареной рыбы, – тут же сообщила она.

– Жареная рыба – это профанация, – сказал я. – Рыба должна быть только отварная. Почитай Мелвилла.

– Зануда этот ваш Мелвилл. Другое дело – Эрментруда Вассен. Это я понимаю.

Она меня дразнила. Эрментруда Вассен была писательницей для умственно задержавшихся. Кроме шуток. По крайней мере, с этого она начинала – с сочинения историй для воспитанников специальных школ. Судя по ее нынешней популярности, треть населения причисляла себя к умственно задержавшимся.

Я не слишком этому удивлялся.

Год 1991. Игорь

7.06. Около 22 час.

Улица ГЕТЕ, ДОМ 17, КВАРТИРА 3.

Свечи воткнуты в бутылки – и свечи, и бутылки самых разных форм и размеров, и есть свечи, горящие цветным пламенем – а на окнах красные шелковые шторы, а за окном – в упор – уличный фонарь, и потому на всем лежит багровый отсвет. Запахи воска и духов. Еще чего-то, знакомого смутно и напоминающего мельком о борделях Владика. Легион бутылок в баре, все наливают себе сами и пьют, смакуя. Вот, познакомьтесь, это Игорь, инженер из Сибири. О! Сибирь! Как вы там живете, там же холодно? Так и живем. Я никак не мог сосчитать гостей: приходили в гостиную, выходили из гостиной, стояли на балконе, жались в коридоре, из библиотеки доносились несурзные звуки... человек двадцать пять – тридцать? Где-то так... Единственно, что я установил точно, это то, что компания смешанная: были здесь и немцы, и русские, и помесьята, и белесый скандинав, и негритянка, и два араба, кажется, гомики. Кто-то, поминутно падая со стула, читал невразумительную поэму, в которой дух Гитлера спорил с Вельзевулом и доказывал, что в аду он горит совершенно напрасно, на что Вельзевул отвечал кратко: «Лекен мир арш!», а кто-то другой демонстрировал русскую тоску, меланхолически и бесконечно повторяя на балалайке одну и ту же фразу: «Светит месяц, светит ясный...» Сплошной декаданс – еще бы, раз хозяйка встречает гостей в одних черных чулках и шляпе с вуалью. Арабеск. Курили травку – не скрываясь. Похоже, нюхали кокаин. Не все, но многие. Наверняка и кололись где-нибудь – благо, темных углов хватало. Когда мне представляли кого-нибудь, обязательно называли профессию: актер, художник, преподаватель чего-то, студент чего-то, литератор, издатель, журналист... К журналисту я присмотрелся. Он старался казаться гораздо пьянее, чем был на самом деле. Не исключено, что он собирал материал для светской хроники... «полусветская хроника», забавно... Ко мне вдруг привязалась одинокая рыжая кошка, терлась об ноги и мяукала. Негритянка – на ней был длинный халат из тяжелого белого шелка без единой застёжки – угостила меня черной марокканской сигареткой. Мы с ней покурили и поболтали о разном, а потом направились в ванную, чтобы углубить знакомство. Но в ванной подобное действие уже шло вовсю, мелькали белые ягодицы и смуглые груди, и ввинтиться туда не удалось. В библиотеке же было другое: там странно, жутковато шаманили. Двое, парень и девушка, очень похожие лицами и выражениями лиц, одетые в передники из грубой кожи и цепей, стоя спиной к спине, выбивали руками на передниках – звук получался сухой и четкий монотонный изнурительный ритм и тянули неизвестные слова, на одной ноте и почти одним, совершенно нечеловеческим голосом, а ноги их, как бы сами по себе и почти наперекор тому, что отбивали руки и пели голоса, стремительно мелькали в немыслимой сложности танце... не знаю, почему, но этот танец, и этот мерный ритм, и это нелюдское пение достали меня до самой середины так, что мороз прошел по хребту. Что-то должно было произойти сейчас, сию секунду, что-то жуткое и упоительное одновременно... пойдём, пойдём отсюда, потащила меня за руку моя негритянка, пойдём, тут сейчас такое начнется... я хочу увидеть, сказал я, пойдём, не надо, не надо этого видеть, не надо на это смотреть, пойдём... Мы медленно выпятились из библиотеки – нас уже подперли сзади – миновали ванную, из которой толчками шел раскаленный воздух, и по бесконечно длинному коридору подошли к двустворчатой черной двери, я оглянулся: стены коридора были прозрачны, и за стенами видна была гостиная, и огромного размера журналист с огромным бокалом в руках смотрел на меня и явно хотел что-то сказать, но я погрозил ему пальцем и мы вошли в дверь, за дверью стояла квадратная кровать, покрытая черным, на кровати мелькали задницы, я насчитал пять и сбился, а за кроватью стояла огромная, еще больше журналиста, голая Криста в черной шляпе

с вуалью, держа руки перед собой, и к пальцам ее шли нити от кувыркающихся на кровати, и мы прошли в следующую дверь, белую, за дверью было пустое пространство, белый туман, и, раздвигая его, мы дошли до красной двери, за которой почему-то опять оказалась гостиная, давай еще по одной, предложила моя негритянка, давай, согласился я, мы раскурили друг другу тонкие черные сигаретки и обменялись ими в знак дружбы, журналист не сводил с нас тяжелого взгляда, казалось, что глаза у него не только свинцового цвета, но и сделаны из свинца, перед нами опять была черная, маленькая, пришлось согнуться пополам, чтобы войти, дверь, и за дверью на четвереньках качалась Криста, а сзади к ней пристроилось лохматое облако, похожее на медведя, а поперек нашего пути лежала, как белуга на блюде, порезанная ровными ломтями пышная блондинка, и пришлось обходить ее, путаясь в складках черного бархата, и мы вползли в белую дверь, крошечную, как крысиная нора, и там, в плывущем белом тумане, сбросили с себя все, что могли, и получили, наконец, свое. Я тонул, тонул, тонул, загонял себя в глубину, а меня выталкивало вверх, втягивало и снова выталкивало, и вдруг и почувствовал, что отрываюсь от всего и парю без опоры, без верха и низа, и тут что-то глухо лопнуло во мне, рвануло беззвучно, и больше я ничего не помню.

Очнулся я от короткой маятной дурноты, она иногда возникает при переходе сердца с большего режима на меньший. Во рту запеклась желчная горечь. Под черепом бегали мурашки. Я осмотрелся. Лежал я на ковре, белом и лохматом – под мех полярного медведя. Ковер заливал молочный свет от похожего на гриб светильника: светящаяся ножка и темная шляпка. Негритянка моя лежала на животе, подтянув одно колено к груди. Гибкая она была невероятно. Дальше, позади нее, виднелась кровать, и с кровати свисала чья-то волосатая нога. Мурашки превратились в пузырьки шампанского, налитого под череп. Значит, я успел подышать нейтрализатором... это хорошо, не будет отходняка... но когда же я успел? Разберемся... Я собрал одежду с пола и стал одеваться, оглядываясь. Комната маленькая: кровать и телевизор с ББГ-приставкой, здесь же горкой валяются десятка три кассет. Судя по черным ярлычкам на коробках – все порнуха. Вид из окна – как раз на консульство, если нужно наблюдать, то лучше не придумаешь... хотя кому это надо: наблюдать за консульством? За посольством – еще понятно... Цепочка полицейских стояла неподвижно. Фонари на территории не горели, в самом здании светились только окна, выходящие на лестницы. Баллончик с нейтрализатором лежал во внутреннем кармане. Когда же я все-таки успел подышать? Неважно. На кровати шевельнулись, приподнялась всклокоченная голова, упала. Тут же началась специфическая возня. Дверей было две: белая и красная. Я вышел через белую.

Наверное, я ожидал увидеть нечто невыразимое, потому что поразился простоте картины: на кровати по диагонали лежала Криста, рядом с кроватью, неловко подоткнув под живот руки – очень длинный парень. И все. Я потрогал Кристу за плечо. Она недовольно промычала и повернулась на другой бок. Родимого пятна на левой лопатке у нее не было. Не было и рубца, даже самого нежного, который неизбежно остался бы после любой пластической операции. Тем более, когда убирают кусок кожи площадью в пол-ладони. Наверное, я этого подсознательно ждал. И, наверное, уже с утра. Хорошо. Такая ошибка лучше, чем, так сказать, в обратную сторону. Хорошо...

В гостиной дым стоял коромыслом. Шумели так, что нельзя было разобрать слов, кто-то визжал, все бурно жестикулировали. Внезапно замолкли, замерли и стали пятиться, и вдруг получилось, что образовался живой коридор, в одном конце которого стоял я, а в другом появилась та девушка, что шаманила в библиотеке. Парня я тоже увидел: он стоял у стены в такой позе, будто его пригвоздили к этой стене за нижнюю челюсть. Девушка шла ко мне вслепую: глаза ее были заведены, меж век виднелись только белки. Видимо, ей рассекли голову, волосы на лбу слиплись от крови, кровь стекала на лицо, капала с подбородка; выставленные вперед ладони тоже были в крови. В шаге от меня она остановилась, постояла неподвижно, потом опустила на колени и, закрыв ладонями лицо, поклонилась мне. Когда она выпрямилась и отняла

руки от лица, на ладонях у нее оказался черный туранский нож. Возьми, возьми, испуганно зашептали вокруг. На меня никто не смотрел, все смотрели вниз, на нее, ловя каждое движение, каждый оттенок движения. Нож оказался неожиданно тяжелым, я его чуть не выронил. Девушка легко встала с колен, не встала даже, а всплыла, и неуловимым движением сбросила цепи с плеч. Нагрудник передника со звоном рухнул вниз и закачался. Она приложила окровавленный палец к ямке между ключиц. Режь, режь, зашептали все. Я осторожно поднял руку и кончиком ножа коснулся ее кожи там, куда указывал палец. Ощущение было такое, будто я дотронулся до стекла. С безумной улыбкой она стала наклоняться вперед, я захотел отдернуть руку, но не смог: судорога свела мышцы. Девушка уже просто лежала на ноже; наконец, чтобы сохранить равновесие, мне пришлось шагнуть вперед и, кончиком ножа надавливая на ее горло, вернуть ее в вертикальное положение. Тогда, с той же безумной улыбкой, она повела пальцем вниз, и моя рука, подчиняясь не мне, стала спускаться, скребя сталью ножа по остекленевшей коже. Грудь упруго прогибалась, но ни малейшего следа после лезвия не было. Палец миновал точку верхушки сердца, и тут вдруг улыбка ее стала не такой – я еще не понял, какой именно – палец быстрее заскользил вниз, к подреберью, нож следовал за ним – и звук железа по стеклу вдруг исчез, а кончик ножа стал погружаться в тело! Нечеловеческим усилием я разжал пальцы – нож, звеня, запрыгал по полу. Всеобщий «А-ах!» – девушка сомкнула веки, что-то сделала с собой, лицо ее стало настоящим, дрогнули губы, и когда она открыла глаза, то в глазах этих были испуг и неистовая жалость. Бедный ты мой, прошептала она и вдруг повалилась вперед, я еле успел ее подхватить – и тут поймал взгляд парня. Он так и стоял, вдавившись в стену – только теперь спиной. У него был взгляд человека, узревшего конец света.

Год 1961. Зден

31.08.1961 г. 10 час. 45 мин.

Окрестности станции Шатилово.

– Солдаты! – полковник не повышал голос, но слышно его было отменно. – Я обращаюсь к вам так, хотя и знаю: вы все по-прежнему продолжаете считать себя мирными обывателями, случайно оказавшимися на линии огня. Так вот: это не так. Сейчас вы именно солдаты, причем солдаты обученные. Такой подготовки, как у вас, не имеют многие регулярные армии. С этим не стыдно идти в бой. А бой нам сейчас предстоит самый жестокий. Те, кто захватил базу, только что сообщили: первая ракета будет выпущена по Токио в двадцать два часа. В Японии началась эвакуация жителей из городов. Их флот вышел в море, бомбардировщики патрулируют вдоль наших границ. Нет сомнения, что они совершат налет. Что они будут бросать и куда упадут бомбы... да и неважно – бомбы упадут на нашу землю. Что из этого получится, объяснять не надо. В свою очередь, на американском флоте сыграна боевая тревога. Большая война может начаться из-за резкого движения какого-нибудь нервного сержанта. Насколько нам эта война нужна, знаете сами. Верховный главнокомандующий приказал мне сделать все, чтобы не допустить такого исхода. А сделать мы можем одно: овладеть базой. Нам не приходится рассчитывать на подкрепления: кадровый полк прибывает не раньше наступления темноты. Взорван железнодорожный мост у станции Колямба... – Он помолчал, давая всем осмыслить услышанное. – Мы не можем рассчитывать на авиационную поддержку. Почему – тоже не надо объяснять. Единственное, что у командования имеется, кроме вашего полка – это пять учебных танков и две роты саперов, строящих танкодром у станции Тихая. Сейчас они выдвигаются на рубеж атаки. Атака назначена на одиннадцать тридцать. Командирам подразделений – получить карты. От каждого взвода выделить двух лучших стрелков в снайперы. Винтовки подвезены, получить немедленно. Теперь так: обучавшиеся пулеметному делу – шаг вперед. Обучавшиеся минометному делу – три шага вперед. Хорошо. Пулеметчики – напра... минометчики – нале-во. Шагом марш. Поручик Лисицын, принять минометную команду. Поручик Хисиминдинов, принять пулеметчиков. Получить оружие. Егеря! Слушай приказ. Выдвигаться на рубеж атаки согласно обозначенному плану и атаковать базу по сигналу «зеленая ракета». Приказа к отходу не будет. Останавливаться для оказания помощи раненым запрещается. Командирам отделений: разбить отделения на боевые звенья по три-четыре человека, назначить командиров. Командирам звений собраться на инструктаж через пять минут у штабной машины. Исполнять.

Косичка быстро пошел вдоль строя.

– ...Врангель, Валинецкий, Денисов, Поротов. Командир – Валинецкий...

Криволапов появился внезапно. Горелов заметил его на секунду позже меня. Ну да: у меня, наверное, изменилось лицо...

Пятнистая куртка поручика сделалась черной, левого рукава не было вообще, а сама рука стала похожа на обугленный окорок с висящими алыми клочьями. Точно так же левая половина лица лоснилась подобно начищенному сапогу...

– Господин капитан...

– Вы ранены, подпоручик. Врача, быстро.

Кто-то метнулся за врачом.

– Так точно, господин капитан. Ранен. Курсант Аздашев убит. В клочья. Фугасный огнемет. Брешь они заткнули. Не пройти. Без пушек – не пройти. Говорят по-русски, слышал сам... Он вдруг как-то очень быстро упал. Никто не успел его поддержать.

Уже бежал врач, за ним двое санитаров со сложенными носилками.

– Отставить, – сказал Горелов нам и снова встал, заложив руки за спину. – Продолжаю инструктаж. После преодоления полосы проволочных заграждений...

Пахло обугленным мясом.

31.08. 11 час. 30 мин.

Там же.

– Все равно не могу поверить, – бормотал Поротов, глядя на меня своими узкими странно блестящими неподвижными глазами. – Не могу, Зден. А ты можешь? Ты, наверное, тоже не можешь. Кто-то сейчас придет и разбудит...

Мы лежали в высокой траве у края вспаханной полосы. Пятьдесят метров, а дальше колья с колючкой, а дальше – бетонная стена с колючкой же по гребню, а дальше... дальше – Бог знает что. В руках у нас были пэзээры – несерьезно-легкие пукалки, похожие на гарпунные ружья для подводной охоты, разве что чуть потолще. Справа и слева лежали такие же, как мы, ребята с такими же пэзээрами – и ждали зеленой ракеты.

– Вот видит Бог, Зден, нас дурачат... сейчас придет тот полковник и скажет...

– Помолчи, а?

– Да, сейчас... сейчас я заткнусь. Ты не волнуйся так, Зден, ведь ничего страшного... если разобраться, то...

П-ффф! Ракета проплыла над нами медленно, чуть виляя роскошным зеленым кометным хвостом, и вспыхнула яркой четырехлучевой звездой. Где-то вдаль раздалось несколько выстрелов.

– Давай, – сказал я.

И сам – поднял пэзээр, целясь примерно в гребень стены, и нажал спуск.

Пэзээр бьет негромко. Вряд ли громче ракетницы. Собственно, это и есть ракетница, только со всяческим навесным оборудованием. Желтая искорка выскочила из ствола и прыгнула вперед по плавной дуге, волоча за собой тонкий серебристый шнур. Десятки таких шнуров взлетели над проволокой, опустились на нее – и вспыхнули разом белым, чуть с иззеленью, пламенем. Термит. Две... три секунды... все.

Проволочных заграждений больше не было. Стояли колья, местами с них свисали еще горящие лохмотья... Проволока обрезана начисто – как множеством ножей.

– Зажми уши, – сказал я. И сам, всовывая ладони под каску...

Едва успел.

Контрминные дорожки раскатали пять минут назад. Этакие широкие веревочные лестницы с черными, будто эбонитовыми, перекладинами. Они лежали поперек всей грязевой полосы, почти доходя до разрушенных уже проволочных заграждений.

Кто-то все-таки догадался подрывать их не сразу, а поочередно. Боюсь, если бы они рванули одновременно...

Нас и так приподняло над землей и куда-то втиснуло – грубо и плотно. Долго не было ничего, кроме тьмы во всем теле – и мгновенно-синих звезд перед глазами. Потом вдруг стало переворачивать и корезить, как корезит начавшую отходить затекшую ногу или руку...

Вставай! Вставай!

Встаю.

Медленно... так.

Черно. Вспышки над стеной. Заунывный вой где-то позади.

Смычком по медному котлу.

И тут же – длинная очередь за спиной. Воздух в клочья. Брызги от стены. «Березин» – страшная машина, недаром с той войны почти без изменений. Разве что – с небес на землю...

Вперед. Вижу круглую спину Косички. Перекатывается, залегает, ползет, вскакивает...

Вперед же. Ну. Вперед.

Косичка рядом. Лежу в грязи. Над головой визг невидимых пил.

Пулемет перекрывает другие голоса.

Встать. Бегом. На карачках – но бегом.

Дыры в стене.

Колючки впиваются в пузо. Не страшно. Полпути пройдено, пройдено, да?

Удар по каске. Я на земле. Вскликаю на четвереньки. Наверное, отключался, потому что Косичка опять впереди, и не только он, еще чья-то задница...

Совершенно беззвучно человека приподнимает над землей – в облачке серенького дыма – и разрывает на части. Это происходит очень просто и деловито. Перед моим лицом голый торс и рука – загребают, загребают... И я – совершенно спокойно – вскакиваю, обегаю вокруг останков и вновь ложусь. Стена – вот она, совсем рядом.

Пулеметная очередь проходит по гребню. Летят куски бетона и рушатся кронштейны с проволокой. Кто-то в черном на миг возникает над стеной, выгибается и пропадает.

Стреляют из дыр? Похоже, да.

Перехватываю автомат и выпускаю несколько коротких очередей по этим самым дырам. Оранжевые вспышки отмечают мои, в данном случае, промахи. Впрочем, что-то улетело и в дыры. В белый свет.

Вся стена в оранжевых вспышках, оставляющих после себя пятна копоти.

Над головой визг, перекрывающий все. И не грохот – резкие звонкие удары, от которых в глазах что-то вспыхивает и рассыпается. Вспыхивает и рассыпается. Вспыхивает и... Косичка бежит куда-то, каска улетает вперед, он пытается ее поймать. Вид у Косички совершенно неправильный, но я ничего не могу понять. Синий дым вокруг. Опять визг.

Это минометы. Или наши взяли неправильный прицел, или...

Вжимаюсь.

Подбрасывает...

Нет, живой. Вперед. Только вперед. Ребята, теперь только вперед.

И – падаю под стеной.

Визг.

Вот он, Косичка – в двух шагах. Тоже добежал. Каска в вытянутых руках. Полная мозгов.

Взрывы. Белые звезды, а которые трудно поверить, и – черная стена. Потом она медленно разваливается и опадает – вниз и немного вправо. Остается низко плавающий дым.

Приподнимаюсь. Смотрю.

Лежат. Лежат мои егеря, лежат... Кто-то слепо ползет, тычется и замирает. Десять... двадцать... все.

Все убиты.

Без паники.

Так не бывает.

Визг. Падаю.

Голову в землю.

Удар. Ухо лопается. Не помня себя, оборачиваюсь. Прямо перед лицом из серого бетона торчит неровный осколок величиной в пол-ладони. Кажется, он весь дрожит.

Смотрю на него, не отрываясь...

Сейчас должен быть визг и удары, крошащие сознание, визг и удары, все напрягается внутри... сейчас... нет. Нет. Тишина. Негромко долбит пулемет. Что-то дымно горит в траве.

Не знаю, сколько прошло времени. Много. Я встаю – как на счет «девять».

Бокс.

Стена серая, каркасная. То есть столбы и перекладины толстые, монолитные, а между ними сравнительно тонкие плиты, да еще с этаким рельефным рисунком: ромбы. И там,

где бетон совсем никакой, осколки и березинские пули его пробивают. Нахожу небольшую дырочку невысоко над землей и приникаю к ней.

Очень долго не могу понять, что вижу. Потом доходит. Это локоть. Человек стоит и курит. Стоит, привалившись спиной к стене (не к стене, поправляю себя, к столбу) – и курит, держа сигарку между большим и указательным пальцами. Из-под локтя видны рукоять и приклад автомата, потертый и выщербленный деревянный приклад с множеством зарубок... Автомат я не сразу, но узнаю: девятимиллиметровый «штайр» образца пятьдесят второго года. Состоял на вооружении десантных частей Рейха.

Дальше еще одна стенка, невысокая, и мешки с песком. Ну, это понятно...

Надо же что-то же делать... что?

Ах, да. Совсем забыл, извините...

Сажусь на землю, снимаю вещмешок. Там два килограмма «МЦ». Гремучий пластилин. Вынимаю грязно-синие брикетки, разворачиваю и прилепляю к бетону. Двадцать брикетиков.

Получается перевернутая буква П с короткими ножками и длинной перекладиной.

«Березин» выпускает очередь куда-то левее меня. Там стрельба и крики. Я уже могу слышать крики.

Теперь детонаторы. Очень похожи на елочную гирлянду: синий провод и маленькие острые лампочки, правда, с черными непрозрачными цоколями. Равнодушно втыкаю лампочки в брикеты «МЦ».

Что-то происходит вокруг.

Визг.

Успеваю упасть.

Год 1991. Игорь

8.06. 02 час. 55 мин.

Дмитровское шоссе, 400 метров до переезда через линию Ст. – Петербургской железной дороги.

– Не придет, – сказал, наконец, журналист. Его звали Валерий, и мы были уже на ты. – Все. Не придет.

Он поскреб пальцами скулы, потер глаза – с такой яростью, будто разрывал веки. Он страшно хотел спать.

– Паршиво, – сказал он через минуту. – Мы платим. Да, мы платим. Хорошо платим. Иногда – очень хорошо. За информацию. И люди, в общем-то, знают, на что идут. И все равно – так паршиво...

– Мало ли что могло случиться, – сказал я. – Упал, ногу сломал...

– Знаешь, – сказал он, – когда такое было в первый раз – я тоже надеялся. Но когда в пятый...

– Кто-то знал еще?

– Нет.

– Тогда?..

– Следили. Пасли. Вряд ли – гепо. Хотя... Впрочем, не знаю. Только это уже пятый случай.

– Валера, – сказал я, – тогда, может быть, ты мне расскажешь все так – без доказательств?

– Смысл?

– Н-ну... скажем так: есть смысл. Есть.

– Это просто бесполезно – без документов. Без доказательств.

– Но ты же знаешь, что доказательства есть.

– Были. Не есть, а были.

– Есть. Не эти, так другие. И если этим займутся профессионалы...

– У меня тоже есть контакты в гепо. Но там без хотя бы косвенных доказательств... – он махнул рукой.

– Немцы всегда любили порядок в делах.

– Ладно. Значит, так: внезапно и без видимых причин резко увеличились японские инвестиции в Индии. Причем в отрасли, не приносящие сейчас существенного дохода. И без особых перспектив на обозримое будущее. Не буду расписывать подробно, это, в конце концов, не так уж важно. Японцы вкладывают большие деньги – десятки миллиардов золотых марок – причем через подставных лиц – туда, откуда ждать прибыли не приходится ни при каком раскладе, за исключением единственного: что контроль над Индией переходит к Японии. Полный и безраздельный контроль. Такая вот уверенность – откуда? Мы стали думать. Получается вот что: допустим, Россия выходит из Рейха, причем хлопая дверью. Теперь все туранские эмираты и султанаты от Рейха отрезаны, ну, да Господь с ними, главное – отрезаны Туранская и Тянь-Шаньская группы армий. Снабжать их через Иран трудно, практически невозможно. И все: Индию можно брать голыми руками, потому что защищать ее нечем. Разве что флотом... И вот вам японцы упираются носом в нефтяные поля Ирана... Чуешь? Это страшнее, чем валерьянка для кошки. Значит, так вот мы рассудили. Стали оглядываться по сторонам. И нашли. Есть такое предприятие «Эйфер», смешанный сибирско-российско-египетский капитал, в прошлом году проявляло интерес к якутским алмазам, не выгорело, но это неважно... так вот, оказалось, что они регулярно переводят очень приличные суммы, до миллиона марок в месяц, на

счета «Патриотического фронта», «Единства» и «Муромца». И они же служат одним из каналов перекачки японских денег в Индию...

Я присвистнул. В общих чертах что-то такое намечалось, «собиралось стать известным», как говаривал Тарантул... но тем не менее – интересно.

– Это интересно, – сказал я. – Предприятие «Эйфер». Запомню.

Мне вдруг стало скучно. Выключатель – шелк... и все вокруг заливают желтая скука. Бывает... и в последние месяцы – все чаще.

– А все-таки – зачем ты меня сюда потащил? – спросил я. Скуке нельзя позволять распорядиться собой, ее надо бить тем, что подворачивается под руку...

– Мне нужен был свидетель. Кроме того, меня не оставляет чувство, что ты вовсе не инженер.

– Интересно.

– Нет, я просто увидел, как ты подышал из баллончика.

– У меня тяжелый отходняк. Впрочем, где-то ты прав. Я инженер, но из подразделения «Таймыр».

– О! А я думал, вас давно распустили.

– Ну, зачем же нас распускать, мы еще много пользы принесем.

– Скорее, не пользы, а добра.

Мы посмеялись. Подразделение «Таймыр», созданное еще в начале пятидесятых, занималось контрабандным ввозом изделий, технологий и прочих секретов. Сейчас это синекура для ожидающих пенсий чинов из разведки и МИДа.

– Кроме того, ты сибиряк, – продолжал Валерий, – а значит, патриотам заведомо не сочувствуешь.

– То есть?

– Ну, вряд ли много сибиряков хотят, чтобы их страна снова стала российской колонией.

– М-м... да, пожалуй, таких я не встречал. Но, как ты знаешь, азиатская партия у нас сильна.

– Это другое.

– Другое... Ты давно знаешь Кристу?

– Лет десять, наверное. А что?

– Да мне может понадобится человек, владеющий арабским. Я хотел поговорить с ней самой, но – видел сам.

– Что я тебе скажу? Язык она, конечно, знает превосходно, но слишком много пьет и слабовата на передок. Если это тебя не смущает...

– Смущает. Это и смущает. А других, кто владел бы арабским, ты не знаешь?

– Пожалуй, нет. Но Криста должна знать. Поговори с ней.

– Поговорю... Ну, что? Четверть четвертого. Поедем?

– Да. Да, надо ехать.

– Куда тебе?

– На Трубную.

– Там живешь?

– Нет, там редакция. Надо еще поработать.

Я завел мотор, прогрел его, потом оглянулся – чисто автоматически прежде чем выехать на полосу. Если бы я промедлил еще одну секунду, на этом все бы и кончилось.

– Прыгай!!! – заорал я, выбрасываясь на дорогу.

«Элефант»-тягач разгоняется до ста сорока, думаю, с такой скоростью он и шел. Наш «зоннабэнд» смяло, как пустую жестянку, и я уж не знаю, чем меня оглушило: грохотом, или воздушной волной, или это была просто психогенная реакция – только я очнулся уже тогда, когда «элефант» развернулся и надвигался, ревя; я столбом стоял на осевой и тупо смотрел,

как он быстро увеличивается в размерах, и на душе у меня было легко и спокойно, как бывало разве что в том семеновском подвальчике. До тягача было рукой подать, когда я обманно вильнул корпусом вправо, а сам прыгнул влево. Голый автоматизм, этому нас учили. «Элефант» проскочил мимо и больше не возвращался – растаял во мраке, растворился, как призрак.

– Валера!

Он вылез из кювета – еще один призрак. Я его еле видел. В глазах плыли лиловые круги – и от напряжения, и от слепящих фар «эlefанта». И тут, понимаете, загорелся наш «зоннабэнд» – сразу весь.

– А реакция у тебя хорошая, – сказал я. Он промычал что-то в ответ. Даже в том краснодымном свете, что исходил от нашего бедного «зоннабэнда», видно было, что Валера бледнее смерти. Потом он сел прямо на асфальт.

– Ты что, ударился?

– Башкой... вот тут...

На темени у него вздулась шишка никак не меньше кедровой.

– Ничего, нормально, – выдохнул, наконец, он, когда я закончил осмотр. – Нормально, обойдется. Бывало хуже...

– Значит, они не убили твоего агента, – сказал я.

– Значит, так. Только ему вряд ли от этого лучше.

– Кто он? Как зовут и как выглядит? Говори скорее, вон уже полиция едет.

– Анжелика Папст. Тридцать лет, невысокая, полная, очки с толстыми стеклами, очень маленький нос. Специалист по налогообложению – в этой самой «Эйфер»...

– Понятно, – сказал я.

Сразу четыре машины – по две с каждой стороны – подлетели к нам с визгом, ребята в черной коже выскочили с огнетушителями наперевес... Там никого нет! – крикнул я по-немецки. Все живые! Только сейчас у меня началась реакция, задрожали колени, зашумело в голове... все вокруг я видел чрезмерно четко и контрастно, но воспринимал полуосмысленно, и вопросы, которые мне задавал полицейский лейтенант, понимал не с первого раза. Да, стояли, вот тут, на обочине: на ходу открылся багажник, и остановились, чтобы закрыть, закрыли и только собрались ехать, как увидели... нет, еще не тронулись, нет... вот здесь. Битые стекла и брызги масла. Потом тягач развернулся вон там – и пытался наехать на меня, но я успел отскочить... нет, не ошибаюсь, он ехал прямо на меня, не снижая скорости... не знаю. Не заметил. Тоже не знаю. Много странного. Нет, у меня ни малейших подозрений...

8.06. Около 9 час.

Турбаза «Тушино-Центр».

Живцов положили в коттедже, где жили Панин и Кучеренко. Вся операция прошла гладко, если не считать огрехом то, что самолюбивая Сашенька обошлась-таки без «лонжи», и Крупицыным осталось лишь перетащить ничего не понимающих грузин в другой коттедж. Тут они и лежали рядышком на сдвинутых кроватях и спали – усатые младенцы. Саша уколола их аббрутином сильнейшим психомиметиком; в малых дозах он разгружает подкорку, и его раньше использовали для ускорения адаптации; в больших дозах – парализует волю, начисто отключая лобные доли. Часто этот эффект остается необратимым...

– Просыпайтесь, – сказал я негромко.

Они одновременно открыли глаза. Аббрутин мы между собой называем «буратин». Сделай из него Буратино. Делаю, начальник.

– Садитесь.

Они сели. Они улыбались мне. Искренние улыбки детей, еще не знающих, что мир не слишком добр. Я подал одному из них блокнот, ручку, сказал:

– Пиши по-русски: «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя. То, как зверь, она завоет...» – я продиктовал две строфы. Передай блокнот соседу. Улыбка – он сделал мне приятное. У соседа тоже улыбка – он готов сделать мне приятное. «Буря мглою небо кроет...» Передай... Улыбки...

«Буря мглою...» Дай ручку и блокнот мне. Шквал улыбок. Так... делая поправку на «буратин»... вот этот.

– Вот этот, – сказал я Панину.

– Как тебя зовут?

– Меня зовут Тенгиз, – очень легкий акцент.

– А фамилия?

– Моя фамилия – Гурамишвили.

– Хорошо, Тенгиз. Меня зовут Сергей. Я твой лучший друг. Лучший друг. Ты должен делать все, что я тебе скажу. Запомни меня. А теперь отдыхай.

– Отдыхайте все, – сказал я.

Они улеглись и закрыли глаза.

Мы вышли на застекленную веранду. Дверь в комнату Крупицыных была приоткрыта. В душе обильно лилась вода.

– Очень внушаем, мягок, послушен, – сказал я. – Неплохая мышечная реакция. Прекрасная память, легко обучаем. Наверное, круглый отличник. Чем они там занимались?

– Не знаю, – сказал Панин. – А зачем это?

Я пожал плечами.

– Так, может, обойдемся без проволоки? – предложил Панин. – Раз такая хорошая внушаемость...

– Не стоит рисковать, – сказал я.

Наверное, Панин хотел возразить. По крайней мере, воздуху набрал. Возразить было что: введение проволоки вручную было никак не меньшим риском, а переводом материала. Внушение же под аббрутином давало результаты немногим худшие, чем с проволокой. Однако в нынешнем нашем положении лучше было истребить без пользы десять живцов, чем промахнуться в решающий момент. А кроме того, Панин, наверное, вспомнил «Самсон» – вспомнил и решил не связываться с таким говном, как я. Я бы на его месте поступил так же.

Вода в душе перестала литься, дверь открылась, и предстали Дима Крупицын и Валечка, мокрые и очень веселые. Помахали нам ручками и побежали вытираться.

– А где Серега? – спросил я Панина.

– С Командором.

– Что – не появлялись еще?

– Нет, и не звонили. Впрочем, мы и не договаривались... Ха! Вон они идут.

От реки шли, почти бежали, перебрасываясь на ходу мячом – нет, не мячом, каким-то тючком – Командор и Серега Крупицын. Сзади шел Гера.

– Долго жить будешь, – сказал я Сереге, когда он вошел.

– Вспоминали уже?

– Вспоминали. Ну, что? Все в порядке?

– Да, осталось только маячки и сирены пришабашить.

– Ну, это в багаже.

– Знаю.

– Слушай, Сережа. «Зоннабенд» ты брал?

– Я брал. А что?

– Я его гробанул вчистую. Уже на свалку увезли.

– Ну, Пан! – Серега с уважением посмотрел на меня. – Ты и силен! Не напасешься на тебя...

– Держи, – я подал ему копию заключения дорожной полиции об аварии не по вине водителя. – Пусть оформят списание и дадут подмену.

– Ладно, – сказал Серега. – Я хоть переоденусь...

В дверях он притиснул выходящую Валечку. Валечка хихикнула и тут же повисла на мне.

– Пан, как тебе наши красавцы, – спросила она, жмурясь. – Неужели за таких мальчиков тебе жалко поцелуя, Пан?

– Мне для тебя ничего не жалко... никогда... и ничего... о-о-о... – я изобразил последний вздох. Валечка отхлынула, глаза у нее были пьяные. Все, спать, спать, – погнал я ее. – До обеда – даже не просыпаться. Нужна будет твоя снайперская точность. Поняла?

– Будем вставлять им проволоку?

– Да, и потому...

– Поняла, поняла. Я уже паинька. Так можно? – она потупилась, сложила ручки на животики и ножкой заковыряла пол.

– Так можно. Беги.

Из коттеджа напротив вышел Командор, осмотрелся – будто бы любовался пейзажем. Увидел Валечку, пошел ей навстречу. О чем-то спросил, кивнул, так же неторопливо продолжил путь.

– Какой будет объект? – деловито спросил Панин.

– Скажу – нэ повэриш, дарагой, – я достал из кармана пачку открыток с видами Москвы, нашел нужную, протянул ему.

– Ни хрена себе... – протянул Панин. – По крупной играем...

– По крупной, – согласился я.

Вошел Командор. Свежий, как майская роза. Не представляю, как нужно укатать Командора, чтобы чуть-чуть помять ему морду. Даже небритый, он выглядит элегантно, как мушкетер на балу.

– Телевизор не смотрели? – с порога спросил он. – Зря. Интереснейшие вещи творятся. Побоище в редакции «Садового кольца». Шесть человек убито. Потом – перестрелка с патрулем, ранено два солдата. А?

– Имена убитых не говорили?

– Нет, а что?

– Надо как-нибудь узнать. Валерий Кононыхин, обозреватель.

– Прямо сейчас?

– Как получится. Когда это было?

– В шесть тридцать. Обещали подробности в дневном выпуске.

– Поздновато... Гривенник у тебя есть?

– У меня есть, – сказал Панин.

Я набрал номер Кристи. После дюжины звонков она сняла трубку.

– Да?

– Доброе утро, Криста. Это я, Игорь.

– Ты? Разве ты еще не здесь? Вот здорово, а кто же тогда спит с Анни?

– Понятия не имею.

– Подожди, сейчас посмотрю...

– Ради всего святого, Криста! Пусть их спят. Посмотри лучше, нет ли где под столами Валерия, из газеты.

– Нет, он ушел ночью, это точно.

– А как мне его найти?

– Позвони в редакцию, он оттуда почти не вылезает.

– Я, наверное, неправильно записал телефон...

– Да? Знаешь что, мне лень искать телефонную книжку, а в памяти аппарата его номер есть – давай, я ему позвоню и скажу, что нужно. Что именно?

– Мы должны были встретиться сегодня – пусть уточнит время и место.

– Понятно. Перезвони мне минут через десять.

– Спасибо, Криста.

– Да что ты, не за что. Зря ты так рано сбежал...

Я дал отбой и по бесплатному номеру позвонил в полицейский участок. Представился, назвал обстоятельства. Да, да, сказал приятный женский голос, к сожалению, результатов пока нет, по этому же делу работает бригада крипо, следователь хотел бы побеседовать с вами, позвоните ему, пожалуйста, номер такой-то...

Так. Ответ, можно сказать, есть. Теперь крипо...

Трубку взяли с полувзвонка.

– Следователь Зайферт слушает, – голос звонкий, четкий.

– Инженер Валинецкий. Как я понимаю, по делу...

– Да. Не нужно по телефону. Давайте встретимся и поговорим.

– Давайте. Где?

– Тот полицейский участок, где вы были ночью, подойдет?

– Вполне.

– Тогда там, скажем, в одиннадцать часов.

– Хорошо.

Я повесил трубку, посмотрел на часы. Через пять минут позвонить Кристе...

– Так что произошло, Пан? – спросил Командор.

Я начал рассказывать.

Год 1961. Зден

31.08.1961 г. Около 14 час.

База «Саян».

Я в этой жизни тонул дважды. Второй раз уже взрослым, и это почти не запомнилось. Не рассчитал силы, вот и все. Началась судорога. Сообразил, как можно отдохнуть... В общем, проза. Зато мой первый раз запомнился мне навсегда. Дед решил научить меня плавать. Для этого он отвез меня в лодке на середину своего пруда (дед был мельником) и бросил за борт. И я послушно пошел на дно. Был солнечный день, вода в пруду, вся пронизанная лучами, скорее напоминала воздух на кухне в момент большой выпечки пирогов и булок. Дно пруда, песчаное, галечное, очень чистое, надвинулось быстро, и я встал на него и оттолкнулся... Днище лодки казалось черным островом посреди зеркального моря. Я устремился к острову и ударился головой. Толстые рыбы подплывали ко мне и с интересом смотрели в лицо. И что-то еще происходило: трубили трубы, зеркало изнанки воды вдруг изогнулось, я будто бы смотрел в глубокие недра граммофонной воронки... А потом вышло, что я лежу в траве на боку, и толстая гусеница медленно ползет, изгибаясь крутой аркой. Ничего важнее этого не существовало...

Дед сидел надо мной. Белые его усы висели вниз, и с них стекала вода.

Я помнил что-то огромное, что-то невероятно важное, но не было ни слов, ни образов, чтобы это описать.

Но много дней потом и я, и дед ходили очень задумчивые...

Почему-то сейчас я все это вспомнил. И показалось даже, что вспомнил именно то важное... или пережил заново...

...Наши минометчики сумели все же подавить пристрелянные минометы базы, из которых нас так отделали вначале. Через несколько проломов в стене (в том числе и через мой) егеря ворвались на территорию. Лишь шесть трупов врагов были найдены, и осмотр их не дал ничего: отсутствовали обязательные для десантников Рейха татуировки с группой крови, стальные браслеты, медальоны. Смешно уже и говорить о документах...

Теперь противник удерживал городок, аэродром и кольцо укреплений вокруг ракетных капониров. Никаких вылазок он не предпринимал и даже постреливал вяло, и ясно было – тянет время. Мы занимали оборонительные сооружения вдоль стены: траншеи, пулеметные гнезда, две уцелевшие зенитные башни. И тоже почему-то тянули время.

Я числился уже командиром отделения, и в командирах звеньев у меня ходили Врангель и Поротов, оба исцарапанные и обожженные, но вполне боеспособные. Потери среди офицеров были очень велики, поэтому каждые две роты свели в одну, и все равно многими взводами командовали сержанты.

Городок на базе – восемь кварталов жилых и один коммунальный: школа, кинотеатр, что-то еще, – построен был в противодесантном стиле: каждый квартал – укрепрайон, окнабойницы в толстых стенах, прочные высокие решетки между домами...

Где-то там заперты сейчас семьи офицеров базы.

Конечно, штурмовать городок вовсе не обязательно. Можно сразу навалиться на капониры. Но это значит, что мы во время атаки будем под непрерывным обстрелом сзади с дистанции меньше полукилометра и притом с небольшой возвышенности...

– Курсант Валинецкий!

– Здесь.

Незнакомый поручик. Без каски, в панаме. В атаках явно не был.

– Вас требует к себе полковник Семенов. Следуйте за мной.

Я встал. На миг показалось, что, вставая, я пробил головой какую-то незримую поверхность и оказался непонятно где. Здесь все было точно такое же, но неуловимо другое. Или я мгновенно забыл, как мир выглядел секунду назад. Идеальная подделка...

– Есть, – сказал я. Голос тоже был не мой.

– Вы на гражданке были кем? – спросил, поворачиваясь, поручик.

– Наладчик счетных систем...

Панама поручика вдруг раскрылась весенним цветком и медленно воспарила. Сам он сунулся на колени и повалился лицом в траву, обхватив руками голову. Я оказался рядом с ним. Готов... ах, черт. Поручик несколько секунд не двигался, потом зашарил руками по голове... Крови не было совсем, лишь вздувался синий желвак размером с яйцо, этакая выпуклая лысина – волосы вырвало с корнями.

– Повезло, – сказал я. – Вставайте, только не в полный рост. Иначе нас опять увидят с крыш.

Свой командный пункт полковник расположил на одной из двух зенитных башен. Вид отсюда был полный: укрепленный городок, аэродром с ангарами вдали, ракетные капониры. Вдали, за ангарами, где к базе подходит бетонка от станции, бухали орудия: уцелевшие танки, не приближаясь на дистанцию прямого выстрела, методично выбивали пулеметные гнезда. Три машины из пяти сгорели в первой же атаке.

Полковник стоял спиной ко всем и рассматривал что-то в стереотрубу. Я посмотрел на Горелова. Горелов мне кивнул и почти улыбнулся. Внизу, на лестнице, раздался шум, и в отверстии люка появился некто в синей фуражке с орлом и с незнакомой конфигурацией, но явно генеральскими погонами на плечах. За ним шел наш Тимоти, очень взволнованный. Полковник оторвался от созерцания.

– Господин бригадный генерал, позвольте приветствовать вас на вверенном вам объекте, – он отдал честь коротким четким взмахом руки. – С обстановкой вас познакомили?

– Здравствуйтесь, господин полковник, – генерал отсалютовал в ответ; говорил он почти без акцента. – Да, ознакомили по дороге. Мы в глубоком дерьме, не так ли? – он широко улыбнулся.

– Воистину так, – сказал Семенов. – Кстати, наденьте каску. Постреливают.

– Вы установили, кто захватил базу?

Полковник покачал головой.

– Нет. Можем только предположить, что это западные русские.

– Но как они могли попасть сюда? От Урала...

– Совершенно верно. Но изучение их маршрута – дело контрразведки. Вот у капитана есть соображения... – полковник кивнул на того узкоглазого, которого я увидел еще при первом моем посещении штаба. – Наша с вами задача, как я понимаю – не допустить пуска ракет.

– Да, разумеется, конечно. Но, видите ли, дорогой полковник... – генерал с сомнением посмотрел на окружающих, задержался взглядом на мне, а потом продолжал, что-то про себя решив. – Вы знаете, конечно, что база соединена прямой кабельной связью с моим президентом. И как раз перед моим вылетом сюда мне сообщили, что при проверке связи выявлено дополнительное индуктивное сопротивление. Вы понимаете, что это значит?

– Кто-то слушает переговоры бандитов с вашим президентом?

– Переговоров, в сущности, не ведется. Они направляют некие послания, некие обвинительные акты, однако никаких требований, условий... Но я не об этом. Целостность кабеля.

– Да, – сказал полковник. – Это, конечно, большая проблема. Но мне кажется, что это не насущная проблема, генерал. Давайте лучше о неотложном.

– Вы не правы. Вопрос доверия в нашем случае есть самое главное.

– Вот именно. Почему ваша охрана так легко пропустила машины на территорию?

– Не знаю. Но я узнаю. Я буду это знать.

– Вот видите. Так что все-таки давайте о деле. Мы ворвались на территорию и закрепились. Есть у нас возможность проникнуть в ракетные капониры каким-то другим путем – минуя укрепления?

– Нет.

– Только через шахту лифта, колпак которой отсюда виден левее вон той группы деревьев?

– Именно так. Да.

– И если закрыться изнутри, то уже никаким способом вас оттуда не выковырнуть? До того самого момента, когда ракета поедет на старт?

– Так это и было задумано. К современному сожалению.

– Но, если я все правильно понимаю, в этот момент ракета в высшей степени уязвима? Ее можно расстрелять даже из пулемета?

– Да. Пятидесятый калибр пробивает ее навывлет.

– Надо полагать, наши оппоненты об этом знают – и тем не менее... Вам не кажется, генерал, что нам красноречиво предлагают подождать до самого последнего этапа?

– Мне многое кажется странным.

– Слушайте, но ведь это нонсенс: зарываться в землю на сто метров, чтобы в решающий момент выбираться оттуда и подставлять мягкое брюхо под пули?

– Вы абсолютно правы, полковник. К сожалению, разработчики не придумали ничего лучшего. На стартовой площадке постоянно дежурила одна заправленная ракета...

– Я знаю. Ее успели подорвать. Меня интересуют остальные. Какие-то меры по их защите в момент вывоза на старт и самого старта были предусмотрены?

– Только дым. Сверхплотная дымовая завеса.

– И все?

– Опыт показывает, что этого практически достаточно. В кампании пятьдесят шестого года ракеты базировались вообще на открытых площадках. И много ли их удалось уничтожить?

– А много ли, кстати?

– Шесть из пятидесяти у нас и четыре из тридцати шести у японцев. Морское базирование было менее надежным.

– Значит, дым...

– Кроме того, полковник, учтите вот что: ракета беззащитна только тогда, когда ее начинают ставить вертикально. А это занимает около полтора... я правильно сказал?... минут. Во время транспортировки по полю она лежит в лотке на транспортере и закрыта со всех сторон.

– Это ясно. Да, полную гарантию уничтожения тут не дать.

– Не дать. Даже если бы у вас была авиация.

– У нас.

– Разумеется. Конечно, у нас. Да.

– Хотя в интересах дела вам, генерал, стоило бы попытаться мысленно сыграть сейчас за ту сторону.

– Трудно. Я не понимаю их целей.

– К сожалению, я тоже. Капитан, а у вас есть какое-нибудь мнение по поводу истинных целей наших оппонентов?

Узкоглазый капитан чуть выдвинулся вперед. Я видел теперь, что на самом деле он не узкоглазый, а просто из тех людей, которые всегда смотрят вприщур.

– Они слишком стараются походить на придурков, – сказал он. – И вот это мне не нравится по-настоящему. Скажите, господин генерал, за те часы, которые якобы требуются им для заправки ракет – можно ли успеть снять с ракет боеголовки?

– Да, – медленно протянул генерал. – Не думаете ли вы, Овидий Андреевич, что?..

– Я думаю, что нам все это время показывают какое-то дурацкое кино, а самое интересное в это время происходит за экраном. Пожалуй, пора и заглянуть туда. Как бы ненароком. Господин генерал, мы хотели бы получить в свое распоряжение реальный план базы.

Повисло молчание.

– Я уже потерял сто девяносто человек, – заговорил полковник очень спокойно, – только потому, что не знал систем обороны внешнего периметра. Эти люди, которые пошли под ваши мины – не профессиональные солдаты, почти у всех есть жены и дети, у многих – свое дело. Но они лезли в ваши чертовы ловушки, которые все равно не обеспечивают надежной защиты вашей чертовой базы, а только... – он задавил себя, как окурок. – Короче: в городке – ваши пленные и их семьи. Если есть хоть малейшая возможность *не* брать городок штурмом, я должен ее использовать.

– Вы знаете, что дорогу от базы к станции оседлали саперы, – сказал капитан-контрразведчик. – Так вот, они передали, что речка, которая огибает базу, очень глинистая. Свежая красная глина. Речка протекает через отвал, я не ошибаюсь? Значит, вы ведете какие-то новые подземные работы?

– Это тоже секретная информация, – сказал генерал.

– Вам так и не дали разрешения на снятие секретности?

– Нет.

– И это при том, что вы только что сообщили о кабеле прямой связи?..

– Да.

– Достаточно абсурдно, вы не находите?

– Я не имею права нарушить приказ президента, – сказал генерал угрюмо.

– В таком случае, я отдаю приказ на атаку городка, – сказал полковник.

– Я также не вижу другого выхода, – сказал генерал. – Прошу вас, полковник, распорядиться, чтобы мне дали каску и автомат. В конце концов, это моя база. И в заложниках мои люди.

– Нет. Это было бы слишком просто для вас, – сказал полковник. Лицо его, особенно крылья носа, побелело, на скулах проступил румянец. – Капитан Горелов.

– Я.

– По плану.

– Есть.

– Старайтесь все же... гражданских...

– Есть. Разрешите идти?

– Идите. Теперь вы, курсант. Поступаете в распоряжение капитана Крестовикова.

– Так точно. Разрешите вопрос?

– Не разрешаю. Идите.

– Есть.

Год 1991. Игорь

8.06. 14 час. 30 мин.

Лубянская площадь.

Командор мягко свернул на Большую Лубянку, замедлил ход, прижимаясь к тротуару; я, фиксируя в центре видеоискателя черный прямоугольник ворот, дал наплыв объективом – ворота бросились мне навстречу, желая принять в себя... нет уж, спасибо, постараемся обойтись. Опустил камеру. Еще разок? – спросил, глядя вперед, Командор. Бог троицу любит. Мы катились, как в ущелье. Нет, хватит, сказал я. Тормози. Он остановился. Дуй домой, настраивай аппаратуру, готовься. Я потолкаюсь тут.

– Хорошо, – сказал Командор. Он был чем-то недоволен.

Я постоял, глядя вслед машине. «Опель-зоннабенд», цвет вайсснахт, номер 104299М... Мимо прошло машин пятнадцать – все незнакомые. Так что, похоже, слежка нам померещилась. Впрочем, в этом никогда нельзя быть уверенным до конца: наука умеет много гитик. Ладно, забудем пока об этом... Я вернулся к площади, прошел сквозь строй лотков с игрушками, сладями и воздушными шариками – вопили дети, вопили родители – и спустился в длинный, как трубопровод, подземный переход; дошел, не оглядываясь, до эскалатора и спустился на второй уровень, где расположился юберляден «Охотный ряд». Здесь было очень светло и стояло множество зеркал. Я побродил между прилавков, отшутился от чересчур назойливой продавщицы шляп, покопался в обуви и уже почти на самом выходе неожиданно для себя прибахлился: купил куртку. Куртка была из какой-то мягкой синтетики: «сейден-ледер», «шелковая кожа», как значилось на ярлыке, темно-серая, на молнии, со множеством карманов и широкого покроя – под такой курткой можно спрятать не то что автомат, а целый егерский «горб». Чуть дальше «зеленого» выхода из юберлядена был лифт, которым редко пользовались: он вел, минуя поверхность, в центральный холл – на пятый этаж – «туры», делового здания, действительно похожего на шахматную ладью. В лифте я ехал один. С пятого этажа на третий спустился по лестнице. Здесь, на третьем, снимало помещение частное сыскное бюро «Феликс». С «Феликсом» на почве промышленного шпионажа завязалось когда-то подразделение «Таймыр»; под эту марку и мы покупали у него кой-какую информацию. Мне повезло: сам Феликс был на месте, а его помощник Давыдов и баба Катя, секретарша, отсутствовали.

– Привет, – сказал Феликс, усаживая меня в гостевое кресло и косясь, не виден ли мне экран раухера; экран виден не был. – Что нового? Рассказывай. Объединением пахнет, как по твоему? Или нет?

– Продолжаешь лысеть? – сказал я. – Я тебе золотой корень привез, на вот, – я достал из сумки бутылку. – Втирай на ночь. Хотя, говорят, можно и внутрь, эффект тот же, а приятнее.

– Ну, спасибо, – развел руками Феликс. – Не думал, что вспомнишь.

– Работа такая – все в памяти таскаю.

– Понятно. Что привело?

– Большое дело, Феликс. Фирма «Эйфер» тебе известна?

– Н-ну... в общих чертах – да.

– Мне нужна вся ее подноготная. Через них сейчас прокачиваются миллиарды марок. Откуда и куда. Это раз. Второе: хотя бы приблизительный список компаний, делающих инвестиции в Индии. Это два. Потянешь?

– Как скоро?

– Если прямо сейчас – это было бы здорово. Так что...

– Дня три понадобится, – Феликс почесал в затылке. – Это все?

– Нет, старина, нет. Это половина. Слушай: сегодня ночью меня пытались убить. На Дмитровском шоссе, метрах в четырехстах от переезда через Питерскую железку. Тягач «Элефант» – сзади – в стоящую легковую. Успели выскочить. Был я там с Валерием Кононыхиным...

– Которого сегодня?..

– Да, Феликс. Я думаю, это были те же самые люди.

– И что ты хочешь узнать?

– Дело в том, что мы ждали там его человека. Человек не пришел, а через двадцать минут появился этот самый грузовик...

– Тягач.

– Тягач. Предположим, этот человек выложил все, что знал, сразу, в первую же минуту. Но надо же сориентироваться, решить, что делать, достать где-то тягач...

– Понял, – сказал Феликс. – Откуда шел тягач? Со стороны центра?

– Да. Развернулся и ушел туда же.

– Ага... А откуда должен был появиться человек?

– Не знаю.

– Кто он хоть такой?

– Тоже не знаю. Он должен был принести какие-то документы.

– Понятно, что не бутерброды... Ладно, посиди, полистай вон журналы, я попробую что-нибудь сообразить.

Я автоматически взял журналы – и отключился. Умный многоопытный организм не упустил возможности урвать кусочек сна. Иногда в такие вот «сонные хавы» – хавом у нас называется брикетик пищевого концентрата, размерами с ириску и по вкусу напоминающий ореховый жмых; схавал две таких ириски, запил водой – и сыт, – так вот иногда я успеваю посмотреть целый кинороман, почище «Унесенных ветром» или «Берега Новой Надежды». Но на этот раз мне приснилось всего лишь, что я упал – мордой об асфальт. Вздрогнул и проснулся. Феликс смотрел на меня. Глаза у него были, как у совы.

– А я как раз думал, будить тебя или нет, – сказал он.

– Можно не будить, – сказал я.

– Значит, слушай меня. Если учесть все возможные потери времени, и если не считать, что тягач стоял с работающим мотором и шофером в кабине, то единственное место, откуда он мог выехать, это гараж Скварыгина в Бутырском хуторе. Вот, я его пометил на карте. Все другие варианты требуют чрезмерных натяжек. Хотя... я не говорю, что они невозможны в принципе. Но фирма Скварыгина пользуется очень дурной славой. Известно, например, что они помогают избавляться от трупов. Вот, если желаешь, их досье, – он протянул мне кассету. – Только верни потом, я не снимал копии.

– Верну. Спасибо, Феликс.

Я встал, достал конверт с деньгами.

– Здесь пять. Аванс. И – между нами, ладно? – фирма оплатит любой твой счет. Любой. Можешь не стесняться.

– Спасибо, что сказал. Где тебя можно найти?

– Вещи лежат на турбазе «Тушино-Центр».

– Ясно. Тогда связывайся сам.

– И еще, Феликс, на всякий случай... Вдруг я не приду сам и никто не придет с моим паролем – помнишь его? – то переправь информацию, которую добудешь, в наше посольство – военно-воздушному атташе. Это будет, наверное, непросто сделать...

– Вряд ли у меня возникнет желание это делать. Я играю по правилам, а в этих правилах сказано, что я только добываю информацию, а дальнейшее использование ее – не мое дело. А ты хочешь, чтобы я эти правила нарушил...

- За отдельную плату, Феликс. Ты можешь обеспечить себя, детей и внуков. Подумай.
- Я подумаю. Хорошо. Я подумаю. Но не обещаю. Ты меня понимаешь?

8.06. 17 час.

Турбаза «Тушино-Центр».

Валечка сидела на полу в углу, вялая, как тряпичная кукла, и смотрела куда-то мимо нас всех. Панин налил ей стакан молока, дал выпить. Валечка пила жадно, молоко текло по подбородку. Еще? Она кивнула. Панин налил еще. Во-от, протянула, наконец, Валечка, полегло... ало...

- Можно работать? – спросил я.
- Валяйте, – кивнула Валечка, – я отсюда посмотрю.
- Ну, смотри, – сказал я.
- А чего так двусмысленно? – обиделась Валечка. – У меня как в аптеке.
- Я с вас смеюсь.
- Смейся, смейся... сейчас посмотрим, как ты сам...

Грузин Тенгиз сидел на стуле, выпрямив спину и сложив на коленях руки. Кисти рук были узкие, пальцы тонкие – руки человека, видевшего лопату только в кино. На лице блуждала неопределенная улыбка, глаза смотрели ясно, только левый глаз был красноват, будто соринка попала, а из внешнего уголка к виску шел тонкий, чуть толще волоса, черный проводок; на виске проводок скрывался под квадратиком лейкопластыря. Из-под пластыря выходил провод потолще, Валечка подшила его к коже возле уха, а дальше он тянулся к пульту у меня в руке. Все было готово. Я медлил – не знаю, почему. Где-то врем? Вряд ли. Все просчитано еще дома. Все просчитано...

- Давай, – сказал я Панину.

Панин включил ББГ. На экране появилась дорога, ведущая от турбазы. Въезд на Волоколамское шоссе... по шоссе, переезд, мост за переездом, начинается Щукино: белые дома уступами, чем дальше, тем выше, красиво, особенно издали... комплекс «Цайтальтер»... начало Питерской, первые армейские посты, танки на обочинах... аэропорт имени Туполева, взлетает вертолет, флаги, огромные, как футбольные поля... танки на разделительных газонах, солдаты лежат на траве... «Спортвелт»... начинается Тверская, шлагбаумы подняты, пулеметные гнезда, панцервагены... Пушкинская, съезжаем в туннель, направо-направо-направо – выезжаем на Страстной, дальше, дальше – Петровский, до Неглинной, по Неглинной до Охотного ряда, налево – и вот оно, гепо, черный слепой зеркальный фасад, минуем «Детский мир», по Большой Лубянке, вот они, ворота – в ворота! Пока все это крутилось на экране, я понемногу усилил ток, и в тот момент, когда ворота бросились на нас, дал максимум. Мальчик издал горловой звук, на лице его проступили красные пятна, рот приоткрылся, глаза смотрели внутрь. Еще, еще, задыхаясь, шептал он. Неземное блаженство. Разумеется, еще. И не один раз. На экране вновь возникла дорога, идущая от турбазы, вновь мы выехали на шоссе – все повторилось, только в решающий момент я подержал кнопку нажатой секунд десять. Его буквально скрутило винтом. Еще, еще, пожалуйста, еще! Мы прокатились пять раз. Шел уже восьмой час вечера. Случается, что в десять Шонеберг уже выходит из кабинета.

- Все, парни, – сказал я. – Пошли. Время не ждет.
- Пойдем, Тенгиз, – сказал Панин. – Сейчас мы переберемся в другое место и там еще поиграем.

Мы слегка замаскировали мальчика: сбрили ему усы, нацепили черные очки. Вместо приметной бело-желтой курточки, в которой он пошел с нашими девочками, взяли для него полицейский мундир. Был у нас еще стилизованный под полицейский шлем шлем-ликвидатор, его Панин нес в сумке. Втроем мы сели в «зоннабэнд», поехали в лесопарк. Там, на хитрой полянке, нас ждал Гера в «хейнкеле», уже полностью переоборудованном в полицейский авто-

мобиль: с мигалкой, сиреной и прожекторами. Гера был в бело-желтой курточке и при кавказских усах – вылитый наш Тенгиз. Настоящего Тенгиза переодели в мундир, нахлобучили на голову шлем. Панин подтолкнул его: ну, давай. Тенгиз сел, Гера пристегнул его ремнем, подключил шлем к взрывателю. Тенгиз учащенно дышал, руки нетерпеливо ерзали по рулю. Вперед, сказал я. Тенгиз захлопнул дверцу и с места рванул так, что завизжали покрышки. Наверное, он не привык водить такие мощные машины. За уносящимся «хейнкелем» потянулась тонкая леска. Вот она напряглась и опала. Теперь чека выдернута, цепь замкнута. «Хейнкель» уносил в своем салоне двести пятьдесят килограммов «МЦ» – сила взрыва их равна силе взрыва трех тонн тротила. Гера вылепил из «МЦ» корыто с толстыми стенками; взрывная волна пойдет вперед и вверх и, по расчетам, достигнет кабинета Шонеберга ослабленной не более чем наполовину. Взрывателя три: инерционный, деформационный в фаре, радиовзрыватель. Где-то неподалеку от цели болтается Командор с передатчиком; его страхует Саша, сидя в кафе на третьем этаже «Детского мира».

Гера, теперь уже без маскарада – усы сунул в карман, а курточку – в салон «хейнкеля», – сел за руль «зоннабенда», мы с Паниным – на заднее сиденье. Вот так-то, брат Панин, сказал я. Так-то, брат Пан, отозвался Панин. Я не видел другого выхода, неожиданно для себя сказал я. Ты же помнишь, был жуткий цейтнот. Помню, сказал Панин, все помню. Я даже понимаю, что ты был прав. Я просто злюсь. Прости, сказал я, не было времени просчитывать... да и обстановка не располагала. Это уже потом я понял, что твой вариант был лучше. Потом. Ничего, сказал Панин, я-то жив... Да, сказал я. Я тоже жив.

Крупницыны ждали нас у развилки. На плече у Димы висела голубая теннисная сумка. Я вышел из машины, Панин перебрался на переднее сиденье, Крупницыны сели сзади – и вдруг мне остро захотелось наплевать на собственный план и поехать с ними, остро, почти непреодолимо... нет, нельзя. Пока, ребята! Пока, Пан, пока... Они укатили. Я пошел напрямик сквозь лес и через четверть часа вышел к автостоянке. Здесь было ярко, шумно, весело, взад и вперед сновали разноцветные машины, из них выскакивали и в них скрывались разноцветные люди, все это шевелилось и пело – но мне вдруг померещилось, что я стою на пыльной сцене между дурными декорациями, в окружении кукол, участвуя в дурном скучном спектакле – или что между мной и прочим миром поставили стекло... что-то подобное бывает, когда внезапно закладывает уши... хуже: когда ты вдруг обнаруживаешь себя в незнакомом месте, и все вокруг говорят на чужом языке. Где я и что я делаю здесь? И кто это – я? И так далее... Очаровательная девушка в очень символическом наряде подошла и спросила меня о чем-то, я не понял. Потом оказалось, что я лежу на траве, а надо мной склоняются лица – плоские круглые лица, похожие на луны. Встаю, встаю, все хорошо... спасибо, не надо, прошу вас... не беспокойтесь... До реки близко, ближе, чем до дома, иду к реке, забредаю по колено, умываюсь, тру лицо, лью воду на затылок – легче. Легче, легче... Раздеваюсь, бросаю все на песок, вхожу в воду, плыву. Плыву. Темп, старина, темп! Разгоняюсь, как глиссер. На тот берег, хорошо, теперь нырнем, под водой, пока есть дыхание, еще, еще, еще – вынырнули – отлично. Вдох-выдох, вдох-выдох. Темп! Опять я маленький глиссер... вот, наконец, и тяжесть в плечах. Теперь можно и расслабиться. Что плохо – не могу лежать на воде, ноги тонут. Приходится ими шевелить, поэтому полного расслабления не происходит. Плыву на спине, чуть шевеля плавниками. Где мои штаны? Возле штанов стоят Валечка и Яша и смотрят вдаль, приложив ладошки ко лбам.

Здесь я, здесь! Переворачиваюсь со спины на грудь и оказываюсь лицом к лицу с давешней очаровательной девушкой, которая, как вспоминаю, интересовалась, что со мной случилось и почему я такой бледный? Все в порядке, говорю я и улыбаюсь широко, как только могу, все в полном порядке...

Год 2002. Михаил

26. 04. 16 час.

Константинополь, сад Али Челиме и далее на север.

В дороге Зойка все-таки сняла шляпу и перчатки. Эта роль ей надоела. Теперь она будет думать над следующей.

Мы подъехали к рыбному ресторану. То есть: три столика, полукруглая стойка, жаровня и кухонька размером с телефонную будку. Над всем этим шатер – ветви исполинского клена. Справа стена из серого дикого камня, увитая плющом и виноградом, узорный парапет по верху стены, парочка сидит на парапете спиной к нам. Разноязыкие детские крики. Плеск воды – где-то рядом.

Зойка взяла жареную в сухарях камбалу и белое вино, я – разварную кефаль и лимонную воду. Турецкая полиция не любит тех, кто пьет за рулем даже пиво. Константинополь в этом смысле очень строгий город. Вернее, быть пьяным за рулем можно, но тогда необходимо включить все фары и ехать не быстрее сорока километров в час. Днем я не мог себе этого позволить. Впрочем, я чувствовал, что мне еще предстоит многое наверстывать сегодня.

– Ты все время молчишь, – сказала она. – Уже несколько дней. Что-то случилось?

– Не могу понять. Кажется, нет.

– Врешь. Просто не хочешь говорить. Это из-за меня?

Я осторожно, чтобы не звякнуть, положил вилку на край тарелки. Там был нарисован веселый усатый рыбак в красной феске. Надпись гласила: «Когда Аллах создавал рыбу, он создал ее очень вкусной».

– Нет. С чего ты взяла?

Она засмеялась. Как-то очень невесело.

– Есть много способов понять это. Вот, – она протянула руку над столиком. – Попробуй-ка до меня дотронуться.

– Зачем?

– Ну, давай, давай!

Я постарался сделать это как можно непринужденнее. Наверное, не получилось. Зойка вздохнула.

– Первый прыфинг не прошел. Второй прыфинг...

– Не надо, – сказал я. – Я не пройду и второй, и третий.

– Хорошо, – согласилась она. – Не надо так и не надо... Здесь хорошо готовят. Надо запомнить место...

Мы садились в машину, когда я вдруг увидел Мехмеда Тунча, нашего соседа по дому, репортера уголовной хроники на одной из городских видеостудий. Я помахал ему рукой, он подошел к нам и поздоровался. Одет он был не в привычные всем зрителям клетчатый пиджак и клетчатую английскую кепку, а в черную трикотажную рубашку и белые брюки.

– Что в городе нового, Мехмед эфенди? Такого, чего мы еще не знаем?

– Много нового, Миша. И это все длится и длится... – ответил он непонятно, возможно – цитатой из чего-то мне неизвестного. – Говорят, убили Сеит-ибраима. Этой ночью. Полиция пока молчит, и райсы молчат. В дом никому нет хода...

– Откуда же известно?

– Велик Аллах! Разве может быть скрыто то, что произошло под небом? Все уже все знают, но полиция молчит, и я не могу делать свой материал. Куда вы едете, дорогой сосед?

– Куда мы едем? – спросил я Зойку.

– Пока все равно, – сказала она.

– Мы можем ехать куда угодно, – предложил я. – Хоть в Абакан. Вы были на космодроме?
– Там нет для меня материала. Если вам не трудно, отвезите меня в Топхане.
– Абсолютно не трудно. Так что там случилось с Большим человеком?
– Найден утром в собственной спальне с перебитым кадыком. Задохнулся. Накануне ему привезли новую девочку. Именно девочку, одиннадцать лет. Теперь ее ищут.

– Девочку?

– Да. Утром девочки не оказалось ни в спальне, ни в доме, ни в парке. А под стеной лежала мертвая собака. Вот такая овчарка. И тоже с перебитым горлом. Раисы сейчас пытаются найти хозяина девочки, но того тоже след простыл. Такая история.

– Ничего себе, – сказала Зойка.

– Я что-то слышал о подобных убийствах, – сказал я. – Только не помню, от кого.

– Вот и я помню что-то такой, однако смутно, – сказал Мехмед. – Попробую порыться в архиве. Там, в Топхане, архив городской прессы, – добавил он как бы извиняясь.

Это я знал. В основном от Петра. Он в этом архиве дневал и ночевал одно время.

Поехал я почему-то не через новый «кружевной» мост, а через старый, султанши Валиде. Расстоянние приблизительно такое же, но дорога здесь более тенистая и спокойная. Поэтому я даже удивился, когда навстречу нам попался полицейский мотоциклист, велевший всем освободить левый ряд. Навстречу медленно проехал давешний кортеж. Зойка помахала ручкой, и человек, сидевший в открытом автомобиле, помахал ей в ответ. Он действительно чем-то был похож на меня.

На мосту был много пешеходов. Рабочий день кончился, и многие, работающие в Галате или Пере, а живущие в Истамбуле, предпочитали не пользоваться перегруженной подземкой или вечно переполненными автобусами (парадокс нашего города: сколько бы автобусов ни было на его улицах, они переполнены всегда), а ходить пешком. Тем более, что оба старых моста после реконструкции превратились в настоящие магазины. По ту сторону перил висели длинными цепями (разумеется, на неразводящейся части мостов) легкие модули-киоски, где можно было купить все что угодно, причем дешевле, чем обычно: городской налог здесь не взимался.

Ездить по нему, правда, было тесновато.

Свернув с моста, я вырулил на набережную. Движение здесь было вообще никакое, потому что действовало ограничение скорости. Несколько пестрых туристских автобусов стояли у причала, и веселые голоногие немцы, скандируя: «Тюрингия, Тюрингия, ты всегда с нами», – фотографировались на фоне прогулочного катера. Катер назывался «Галатасарай». Примерно на середине бухты, чуть ближе к тому берегу, на якорях стоял барк «Легенда» – гордость нашего Морского кадетского корпуса. Его восстановили сами мальчишки-кадеты из сущего металлолома, поднятого со дна. Ну, не только кадеты, конечно – их дядьки и преподаватели вкалывали, как каторжные, и от посторонней помощи они не отказывались, так что и я постучал там молоточком и поработал проволочной щеткой, сгоняя ржавчину. Но все-таки кадеты, конечно, были главными. Теперь старшие классы ходили на барке и по Черному, и по Средиземному, а у меня был билет почетного гостя: во время якорной стоянки я мог посещать корабль в любое удобное для меня время...

Мы высадили Мехмеда около архива и поехали дальше. В зеркальце я видел, как он остановился у входа и заговорил с кем-то в светлом костюме и больших противосолнечных очках.

– Давай заедем в «Бальзам», – сказала Зойка.

– Давай... – мне было все равно.

– У тебя есть деньги? У меня нет.

– Найдем, – сказал я.

«Бальзамом» называли почему-то подножие огромного стадиона, оставшегося от Олимпийских игр восемьдесят восьмого года. Там в дни, когда на стадионе никаких соревнований не происходило, действовал блошинный рынок. В прошлом году Зойка не очень дорого купила у пожилой турчанки грубый кустарный серебряный браслет с тусклыми красными стекляшками. Она носила его несколько месяцев, пока кто-то не догадался рассмотреть поделку внимательнее. Серебро на поверку оказалось самородной платиной, а стекляшки – необработанными рубинами. Возраст браслета определили в тысячу лет, а залоговую цену – в сто пятьдесят тысяч рублей. Зойка до сих пор не решила, что ей с ним делать.

Перу я постарался проехать побыстрее. Я почему-то не люблю. Здесь слишком шибает в нос чужое богатство. Впрочем, есть один уголок, в конце Большой улицы... но это просто связано с хорошими воспоминаниями. Позади весьма уродливого черного здания банка «Босфор» разбит садик: платаны и акация. Посреди садика крошечное озерцо, явно искусственное. На берегу его растет несколько очень старых ив. В озерце плавают белые лебеди. Дорожки посыпаны песком. Скамейки очень удобные, плетеные. И этого достаточно, чтобы любить это место.

На «Бальзаме» было нелюдно. Утром здесь весьма плотно, то же и вечером. Я отдал Зойке все содержимое карманов: сорок три рубля, – а сам остался в машине. Не любитель я антиквы...

Нет, вру: кое-что старое у меня есть. Но оно такое... специфическое.

Я сидел и о чем-то сосредоточенно думал, когда меня похлопали по плечу:

– Михель!

Это был Марцеллан, еще больший охотник за старьем, чем Зойка. Он называл себя художником и даже дважды организовывал свои выставки: композиции из всяческих ненужных вещей. Направление называлось «утилитализм». Кормила его жена, торговка.

– Я был тебе должен тридцать рублей, – строго сказал он и вынул блокнот. – Даже тридцать пять.

– Почему был? – удивился я.

– Потому что вот, – из другого кармана он извлек пачку перехваченных резинкой бумажек. – Хожу и раздаю долги. Возвращаю. Задабриваю грядущих кредиторов.

– Получил наследство?

– Гораздо смешнее. Гораздо смешнее, Михель, и гораздо невероятнее. Представь себе. Ко мне приехал мой брат. Погостить. А он, знаешь ли, любит лошадей. Платонически, разумеется. А ты как подумал? И вот мы пошли на ипподром. А до этого отмечали встречу. Друг друга. Да. Два дня. И пошли посмотреть лошадок. И я вдруг ни с того ни с сего поставил все деньги. Которые у меня были. Не помню, на кого. Вспышка доброты. На лошадь. Пьян был. А лошадь пришла первой. Какая-то кляча. И выдача – шестьдесят к одному. Протрезвел моментально. Сгрел деньги – и драть оттуда. По-моему, за нами даже гнались. Но мы удрали. Какие-то мусорные баки. Роняли. Куда-то лезли...

– Повезло, – сказал я. – Поздравляю.

– Спасибо, – сказал он.

Вид у него был все еще ошалелый.

Вернулась Зойка. В руках ее был помятый зеленый медный кувшин. Глаза блестели.

– Марцеллан! – восхитилась она. – Посмотри, какая прелесть! А какой там утюг есть! Настоящий «Титан»! Девятьсот десятый год! Тебе нужен утюг?

– Вообще-то... Где? – Марцеллан решил и сделал стойку. Утюгов у него был полный гараж.

– Вон, видишь?.. – Зойка стала объяснять, куда идти и куда поворачивать, а я вдруг странным образом оцепенел, будто в окружающей действительности вдруг выключили звук, а движения людей стали медленными и чрезвычайно плавными, будто воздух заменили медом. Я смотрел на Зойку, смотрел очень долго, так долго, как мне позволяло растянувшееся время...

она одной рукой отводила волосы с лица, а другой как бы прокладывала путь в лабиринте «Бальзама»... я с трудом отвел глаза и стал рассматривать приборную доску. Будто видя ее впервые. Ключ торчал в замке. Никелированный старомодный ключ. Под ним покачивался брелок: тыквенно-желтый череп. Я уставился на него. Я был совершенно уверен, что брелок у Тедди был другой. Но какой же? Черт. Забыл... Я протянул руку и обхватил брелок рукой. Он был теплый, будто только что из кармана. Рука сказала, что этот предмет ей знаком. Знаком. Я отпустил его и оставил раскачиваться. Да что за глупости со мной?..

Было как во сне: уснул и проснулся. Но что-то успел увидеть.

– Поедем? – Зойка занесла ногу над дверцей. Ей тоже всегда лень самой открывать ее. Нога была гладкая и блестящая. Выше лодыжки белели два шрамика – след неудачного уличного знакомства с дурной собакой. – Что с тобой, Миш? Ты вдруг какой-то...

– Все нормально, – сказал я. – Конечно, поедем.

Год 1991. Игорь

8.06. 22 часа.

Турбаза «Тушино-Центр».

В девять тридцать показали интервью, данное Герингом Московскому телевидению. Девяностовосьмилетний старец выглядел еще вполне браво. Вопросы задавал Павлик Абрамян, человек, для которого не существовало закрытых дверей. Сначала шла дань вежливости: как самочувствие герра Геринга, чем он занимается, как объяснить его неприязнь к журналистской братии – ведь за последние семь лет... и так далее. Герр Геринг пишет мемуары – будет ли пролит, наконец, свет на события апреля сорок второго года? Герр Геринг улыбается: да, раздел мемуаров, где подробно рассказывается как об апреле, так и о декабре сорок второго – а события декабря были куда более значимы для истории Германии, да и всего мира этот раздел написан и будет опубликован – пауза – через двадцать пять лет после моей смерти. Но хоть намекните, просит Павлик, мы пойдем: самолет Гитлера просто разбился сам – или?.. Молодой человек, опять улыбается Геринг, улыбка хитрая-хитрая, разве же это много – двадцать пять лет? Зима-лето, зима-лето... Павлик в отчаянии. Геринг доволен: он опять всех провел. А что думает герр Геринг о ситуации в России? И в связи с этим – о политике фон Вайля? Геринг задумывается, молчит, вздыхает. Я старый человек, говорит, наконец, он, и я иногда жалею, что живу так долго. И иногда мне кажется, что я уже дожил до краха того дела, которому честно служил всю свою жизнь. В промежутках же между этими приступами отчаяния а может быть, в моменты обострения моего сенильного оптимизма – я думаю, что это не крах, а кризис, и что великая идея национал-социализма: создание Тысячелетнего Рейха арийской расы – возобладает над сепаратистскими устремлениями некоторых народов... к сожалению, и русского народа. Боюсь, однако, что нам еще предстоит пройти через многие испытания, прежде чем Истина предстанет пред всеми в великой своей простоте: нам не выстоять по одиночке. Сейчас, оглядываясь, можно увидеть множество ошибок, злоупотреблений и даже преступлений, совершенных нами, совершенных партией... увы, так сложилась жизнь, история делается смертными людьми, а не непогрешимыми богами, делается без черновиков. Многого хотелось бы избежать, о многом – просто забыть. А кое о чем и напомнить – например, о миллионе германских юношей, погибших или навек оставшихся калеками – о цене, заплаченной за освобождение русского народа и других народов России от кошмара большевизма. Мне хотелось бы верить, что страдали и умерли они не напрасно. Что касается политики фон Вайля, то мне кажется, для хорошего политика он слишком порывист и слишком много говорит. В то же время следует отдать ему должное: ни один рейхсканцлер не принимал дела у предшественника в таком плачевном состоянии и не встречался с такими трудностями во внешней и внутренней политике; и то, что не началась новая мировая война, и то, что Рейх все еще остается великой державой, и то, что есть народы, желающие войти в его состав – я говорю, как вы понимаете, о Британии, – все это вызывает уважение и позволяет сохраняться надежде на лучшее будущее. Вы довольны таким ответом? О да, конечно! Еще вопрос, если позволите: что вы думаете о современном состоянии ближневосточной проблемы? Геринг развел руками: к сожалению, у меня нет полной информации о событиях, да и голова уже не та... я не могу, не имею морального права предлагать какие-то рецепты, давать советы... Создавая Иудею, мы выполняли волю народов – кстати, и еврейского народа. Если вспомнить погромы в Польше, в Литве, на Украине, в России... если вспомнить то, что начинали делать Гитлер и Розенберг... я думаю, мы спасли евреев от тотального истребления. И я не вижу сегодня иного выхода из той ситуации. Другое дело, что идеального решения не бывает вообще. Да, евреи теперь говорят, что насильственная депортация это геноцид, а арабы недовольны тем, что им пришлось потес-

ниться – хотя всем переселенцам была выплачена солидная по тем временам компенсация, и те, и другие обвиняют Берлин во всех смертных грехах, но только представьте, что начнется, если Берлину, наконец, все это надоест и он умоет руки... Павлик только открыл рот, чтобы задать очередной вопрос, как трансляцию прервали и появился фон Босков собственной персоной. Дамы и господа, сказал он по-русски, несмотря на принимаемые нами меры, террористам удалось осуществить кровавую акцию. Начиненный взрывчаткой автомобиль взорвался у ворот здания тайной полиции. При взрыве погибло девять сотрудников гепо, в том числе шеф отдела по борьбе с наркотиками генерал Гюнтер Шонеберг, и шестнадцать ни в чем не повинных граждан, вышедших на митинг перед зданием гепо. Число раненых уточняется, хотя уже сейчас ясно, что их более ста человек. Многие из раненых – дети, находившиеся около юберлядена «Детский рай»: выбитые взрывом стекла... Что он несет, сказал Командор, какой митинг?.. В редакцию газеты «Москау цайтунг» позвонил неизвестный и заявил, что ответственность за взрыв берет на себя организация «ббб». В телефонной будке, из которой был произведен звонок, полиция обнаружила ББГ-кассету со следующей записью... Фон Босков исчез, экран зарыбил, потом появился наш Тенгиз, еще при усах и в бело-желтой курточке. Сначала по-грузински, потом по-русски он сказал (текст написал Командор, Тенгиз заучил его и перевел): наша организация начинает свои операции в Москве. Мы вынесли смертный приговор генералу Шонебергу, палачу Кахетии. Я иду приводить приговор в исполнение. Я горд и счастлив тем, что именно мне выпала эта честь. Высочайшее счастье – это умереть за родину, за ее свободу и независимость. Нас много, и все мы полны решимости не оставить в живых никого, на чьих руках кровь грузин. Вы все умрете. Да здравствует свободная независимая Грузия! Победа!

– Не было там никакого митинга! – горячился Командор. – Какие сотни раненых? Они что, совсем?..

– Подай протест, – посоветовал я.

Командор невесело хохотнул.

На экране шел репортаж с места события: полицейские и пожарные машины, скорая помощь, носилки, прикрытые простынями, резкий свет, все мечутся, кричат, кто-то показывает рукой вверх, кто-то гонит оператора короче, как и должно быть в таких случаях. Все съемки только у развороченных ворот, никакой площади не появляется, оно и понятно – там нечего показывать. Половинка автомобиля, застрявшая в окне второго этажа ага, это здание напротив. Ладно, ребята, говорю я, начали хорошо, теперь бы не сорваться...

8.06. 23 час. 55 мин.

Автостоянка при ремонтной мастерской «Надежда», 150 метров до поворота на Можайское шоссе.

Все кончено в пять секунд: моя очередь вскрыла полицейский вездеход, как жестянку, а тот парень, который успел выскочить, попал под очередь Командора. Из-за вездехода вылетел серый фургон «Пони» – час назад Саша увела его с этой самой стоянки – затормозил рядом с «мерседесом». Я уже стягивал с «мерседеса» тент. Сашенька выпрыгнула из «пони», за руку выволокла Петра, нашего второго живца. Он двигался вяло, но не упирался. Я схватил его за другую руку – она показалась мне ледяной, – и мы с Сашей зафиксировали его, прислонив грудью к передней дверце «мерседеса». Командор поднял пистолет убитого полицейского и выстрелил парню в спину. Он даже не дернулся – сразу стал мягкий, как тесто. Можно было не смотреть. Я отошел. Командор вложил пистолет в руку полицейского. Саша развернула «пони», мы вскочили на ходу – вперед! Командор, высунувшись по пояс из люка, вмазал в вездеход сзади – в баки. Глухой взрыв, пламя – баки почти полные, недавно заправились... Огненная лужа, и машина в ней – как босиком... Выезжаем на шоссе, Саша тормозит: ну, откуда же появятся? Со стороны города – одна. Полный газ – навстречу. Командор сидит

на корточках на сиденьи, я держу его за ремень. Двести метров... сто... пятьдесят... ну же! Командор высовывается из люка, как чертик из коробочки, и бьет навскидку из гранатомета. Магниева вспышка в салоне, летят в стороны двери, стекла, горбом встает крыша... Мы проскакиваем мимо, я из автомата бью туда, в красный дым. Саша аккуратно, без юза, тормозит, разворачивается, и мы несемся обратно, на ту же стоянку, запираем машину и втапливаем ее в огненную лужу, я окатываю нас всех одортелем – теперь мы невидимы не только для людей, но и для собак... и вот нас уже нет, мы уже в темноте, на шоссе вой сирен и синие проблески, а нас уже нет.

Оружие топим в болотце, и – сорок минут ночного бега. Командор ведет, Саша в центре, я замыкаю. Полная тишина. Где-то лают собаки – далеко. По тревоге слетаются полицейские патрули. Дороги перекрыты, по всему Кунцеву ловят неизвестную подозрительную машину. А мы уходим, мы, наверное, уже за кольцом оцепления. Собаки и сирены – где-то слева. Ночной бег. Все выверено до минут. Осталось мало. Все хорошо. В гараже множество следов. Пусть ищут, на двое суток это их отвлечет. Хороший пакет дез. Все выверено. Теперь шагом, шагом, лениво, нехотя... по две желатиновых виноградины на каждого – проглотили. Через пять минут от нас будет разить таким безумным перегаром... На обочине коллатерального шоссе номер четыре стоит наш «зоннабенд» без света в салоне и с поднятым капотом, и Гера пританцовывает рядом с ним, изображая ремонтную деятельность. Садимся все трое на заднее сиденье, в кармашке на дверце уже откупоренная бутылка «Очищенной», бумажные стаканчики... Ну, за успех, говорю я, разливая, и мы глотаем теплую водку – без удовольствия, как микстуру. Все, бутылка в ногах, о, и не одна, молодец, Гера, догадался, туда же летят стаканчики, быстро приводим себя в художественный беспорядок, Гера заводит мотор, мы катимся, катимся, катимся по коллатеральному шоссе номер четыре, ага, вот и застава, нам приказывают остановиться, а Командор уже спит на коленях у Саши, а Саша припала ко мне, а у меня остекленевшие глаза и еле ворочается язык, и трезвый Гера отвечает за всех...

Год 1961. Зден

31.08. 15 час. 45 мин.

Деревня Сайги. Окрестности базы «Саян».

Дождь заливал стекла и глушил все звуки. Я не был уверен, доносится шум боя – или это шуршат капли по кронам. По желтеющим кронам... Поэтому, пока капитан отсутствовал, я стал слушать радио. В «Медведе» капитана Крестовикова стоял отличный приемник.

Мир был охвачен паникой. Люди бежали из городов, резервистов ставили в ряды, бомбардировщики взлетали в небо, флоты выходили в море... Всяческие канцлеры, президенты и императоры висели на телефонах «горячих линий». Какие-то военные обозреватели, люди без малейших признаков стыда и интеллекта, пытались объяснить мне, как вести себя в момент ядерного нападения и сразу после оногo. Через двадцать минут меня уже трясло, и не знаю, от чего больше: от злости или от страха за родных... за все еще родных...

Звено Врангеля: он сам, Саша Балахнин и Макс Потылицын, давний друг Врангеля, – сидело в нашей машине, два других звена с хорошим ручным пулеметом «РПВТ» – во второй. Ребята тоже слушали радио...

Трудно поверить, но только сейчас до нас понемногу доходило все.

Вернулся капитан, а с ним – тот самый Выдра, на котором нынче сошелся клином свет. Они забрались в салон, сдирая с себя дождевики, и сразу запахло мокрым войлоком. Никогда до этого я Выдру, естественно, не видел, однако спутать его с кем-то было нереально. Выдра походил на ожившую каменную бабу, каких немало в здешних краях. Ниже меня, он весил, наверное, за сто пятьдесят. Черное в оспинах лицо, маленькие глазки, руки до колен. Голенища чудовищных сапог были надрезаны и зашнурованы сыромятными ремешками – иначе не налезали на толстые икры. Хозяин медной горы...

– Ага! – сказал он, увидев меня. – Ну, здравствуй, здравствуй...

Рукопожатие его было осторожным – он сознавал свою силу. Моя рука как бы побывала под паровым молотом, направляемым умелым кузнецом.

– А пройдет машинёшка-то? – тут же обеспокоился Выдра. – Дорога там никака, а по дождю так вовсе смерть.

– Пройдет, – сказал капитан. – Значит, Тимофеич, говоришь – не геологи?

– Не. Геологов я за версту с подветра распознаю. А в тех, понимаешь, чё-то лажненькое тако вот... не объяснить. Ну все как у геологов, а – не геологи.

– Так заявить надо было.

– Не. Эт не по нам. Заявлять. Не.

Капитан втянул воздух уголком рта.

– Да, – сказал он. – Знакомо. Там, Тимофеич, под стенами – уже две сотни наших легло, а сколько еще ляжет – представить страшно.

– Эт так... – сказал Выдра и замолчал.

– Так куда ехать? – капитан вздохнул, перебрался вперед, сел за руль.

– Сквозь деревню, и по леву руку просек увидишь...

Мы тронулись, и второй «медведь» тут же зарычал мотором.

Дорога и сквозь деревню была так себе, в выбоинах и ухабах, а по просеке, давно заросшей тонким осинником, шла и вовсе колея. «Медведь» нырнул в какие-то ямы, переваливался грузно с боку на бок, но пер и пер – вверх и вперед.

– Кто дорогу-то так разбил, а, Тимофеич? – пересиливая мотор, крикнул капитан.

– А лесовозы. Третье лето только, как кончили деляну сводить. Ангельску рощу продали, слышь. Вот так так... Така роща была! Эх, химики...

– Это где Агафонов скит стоял?

– Точно так. А ты почему про скит знаешь?

– Да кто же про него не знает... Зден Рышардович, перелазьте-ка сюда, на переднее, разговор есть.

– Слушаюсь... – я полез на переднее – и крепко приложился теменем о трапецию, на которой в бою сидит пулеметчик. Боль была адская, а в следующую секунду на лоб хлынула кровь. – Матка бозка...

Меня тут же за штаны утянули назад, с прибаутками промыли водкой дыру в скальпе и перевязали зеленым полевым бинтом, и только минут через десять я выполнил приказ капитана: сел на переднее и приготовился к разговору.

– А щас во-он от того валуна направо, – показал Выдра.

Валуном Выдра назвал серую округлую скалу размером с четырехэтажный дом. Наверху синей краской кто-то написал: «Мы – колчаковцы». За скалой от разбитой лесовозной дороги по ложбине уходила зеленая тропа, по которой прежде ездили разве что на конях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.